

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	9
1.1. История изучения проблемы языковой категории модальности	9
1.2. Определение субъективной модальности.....	11
1.2.1. Место субъективной модальности в системе модальных значений.....	11
1.2.2. Субъективная модальность и языковые средства ее выражения.....	15
1.3. Медиатекст как источник изучения субъективной модальности	20
1.3.1. Понятие «медиатекст» в лингвистике	20
1.3.2. Понятие «медиаличность».....	22
1.3.3. Оценочность публицистических текстов как основа субъективной модальности	23
Выводы по главе	23
ГЛАВА 2. СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ ОБ АЛЛЕ ПУГАЧЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДЫ И СОВЕТЫ).....	25
2.1. Языковые средства выражения субъективной модальности	25
2.1.1. Оценочная лексика как средство выражения субъективной модальности.....	25
2.1.2. Лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности.....	28
2.1.3. Грамматические средства выражения субъективной модальности	30
2.1.4. Закавыченные слова и многоточие как средства выражения субъективной модальности. 31	
2.1.5. Конвергенция средств выражения субъективной модальности	32
Выводы по главе	43
ГЛАВА 3. СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ О ДАНЕ БОРИСОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ «ЗВЕЗДЫ И СОВЕТЫ» И «КАРАВАН ИСТОРИЙ»).....	45
3.1. Языковые средства выражения субъективной модальности в медиатекстах журнала «Звезды и советы»	45
3.1.1. Оценочная лексика как средство выражения субъективной модальности.....	46
3.1.2. Лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности.....	47
3.1.3. Конвергенция средств выражения субъективной модальности	48
3.2. Языковые средства выражения субъективной модальности в медиатексте журнала «Караван историй».....	51
3.2.1. Оценочная лексика как средство выражения субъективной модальности.....	51
3.2.2. Лексико-грамматические и грамматические средства выражения субъективной модальности	53
3.2.3. Конвергенция средств выражения субъективной модальности	54
3.3. Сопоставительная характеристика образа Даны Борисовой в журналах «Звезды и советы» и «Караван историй»	59
3.4. Возможности применения результатов исследования в практике школьного преподавания русского языка	60
Выводы по главе	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	63
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Язык – это система знаков, которая организована таким образом, чтобы человек мог реализовать свои потребности в назывании жизненных реалий и их отношений друг с другом, в выражении к ним своего личного отношения, в передаче своих мыслей, чувств, эмоций, состояний.

Предложение выполняет, как и слово, номинативную функцию. Однако если слово называет предметы, признаки, действия, то предложение – ситуацию, событие, то есть в предложении и через предложение выражаются отношения разнообразных реалий действительности. Отличительный признак этой синтаксической единицы – предикативность. Это «категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности» [Русская грамматика, 1980, Т. 2, с. 86]. Как видно из определения, это сложная, комплексная по своему составу категория: её формирует синтаксическая модальность, синтаксическое время (главные категории предикативности) и синтаксическое лицо. Основная из них – синтаксическая модальность – наверное, одна из самых сложных категорий языка. Несмотря на то, что ее изучением на протяжении длительного времени, начиная с середины XX века, занимаются многие учёные, на сегодняшний день в языкознании вопросы о квалификации модальности, объеме значений, относящихся к модальным, об их функциональной иерархии, о формальных средствах выражения модальных значений и др. считаются неразрешенными. Это значит, что и в наши дни исследования, посвященные различным аспектам категории модальности, имеют несомненную значимость для развития науки о языке, в частности для синтаксической науки.

Необходимость дальнейшего разноаспектного изучения категории модальности (в том числе разностороннего анализа субъективной модальности), во-первых, высокий интерес к анализу языка как устных, так и

печатных СМИ, во-вторых, определяют **актуальность** работы. Кроме того, в настоящее время лингвистическое научное знание отличает господство антропоцентрической парадигмы, в рамках которой находится наше исследование.

Объектом исследования являются языковые средства выражения субъективно-модальных значений в медийных (журнальных) текстах.

Предмет исследования – особенности выражения субъективной модальности единиц, способствующих созданию образа медийной личности.

Основная **цель** работы – анализ субъективно-модальных значений лексических и грамматических единиц, посредством которых создается образ медийной личности.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- 1) изучить научную литературу, посвященную проблемам субъективной модальности; медиадискурса, медиатекста, медиаличности;
- 2) собрать картотеку и систематизировать языковые единицы, выражающие субъективно-модальные значения, по формальному и смысловому признакам;
- 3) проанализировать субъективно-модальные значения, языковые средства их выражения;
- 4) сопоставить результаты анализа субъективно-модальных значений и средств их выражения в текстах двух выбранных журналов.

Методы, с помощью которых осуществлялась реализация задач, следующие:

- 1) метод сплошной выборки;
- 2) метод компонентного анализа;
- 3) описательный метод;
- 4) экспериментальный метод;
- 5) сопоставительный метод.

Методологической базой исследования послужили работы по теории категории модальности Н. Ю. Шведовой [Шведова, 1960], Г. А. Золотовой [1962, 2005], В. В. Виноградова [Виноградов, 1975], М. В. Ляпон [Ляпон, 1997], Г. Я. Солганика [Солганик, 1997], Т. И. Красновой [Краснова, 2002]; Е. Н. Ореховой [Орехова, 2015]; Ю. В. Богоявленской [Богоявленская, 2015]; по изучению медиадискурса, медиатекста и медиаличности Г. С. Мельник [Мельник, 2012], М. Ю. Казак [Казак, 2014], Т. Г. Добросклонской [Добросклонская, 2015], Д. А. Бакеевой [Бакеева, 2017] и др.

Материалом исследования послужило 19 текстов из журналов за 2017 год. Методом сплошной выборки была составлена картотека из 148 синтаксических конструкций. Отбор по синтаксическому критерию объясняется включением в одну единицу нескольких средств. Источниками материала являются журналы «Звезды и советы» и «Караван историй». Выбор журналов обусловлен необходимостью сопоставить публицистические тексты разной степени качества. Стоит сделать уточнение, что по отношению к данным журналам будем применять понятия «качественная пресса» и «некачественная пресса», не ставя перед собой отдельной задачи выявить признаки разграничения массовой, «желтой» и бульварной прессы. Основные особенности, позволяющие относить журнал «Звезды и советы» к некачественной прессе:

- 1) отсутствие указания на авторство публикаций;
- 2) небольшой объем текстов при доминировании фотографий;
- 3) характер заголовка, привлекающий внимание читательской аудитории экспрессивными средствами;
- 4) низкая цена и др.

Напротив, конкретное авторство текстов, их большой объем, содержательность заголовков, высокая цена и прочее говорят о более высоком качестве журнала «Караван историй».

Гипотеза нашей работы: в текстах разных журналов будут использованы различные средства выражения субъективной модальности: более насыщенно они будут проявляться в текстах журнала «Звезды и советы», потому что, хотя и являются принадлежностью публицистического стиля, будут содержать элементы разговорного стиля, для которого характерны экспрессивность, эмоциональность.

Научная новизна данного исследования заключается в сопоставительном характере работы, который позволил выявить особенности функционирования средств выражения субъективной модальности в текстах некачественной («желтой») прессы и СМИ более высокого уровня, проявившиеся в ироничности «желтой» прессы и умеренности, отсутствии или минимизации отрицательного в СМИ другого порядка.

Теоретическая значимость работы заключается не только в обращении к категории субъективной модальности, представляющей, как уже было отмечено, интерес в современной лингвистике, но и в углублении понимания роли субъективной модальности в медийном тексте.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов на занятиях по «Современному русскому языку» в вузе и «Русскому языку» в школе.

Апробация результатов проведенной работы выполнена в рамках ежегодной Всероссийской научно-методической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Молодая филология – 2017. Язык и литература: актуальные исследования». По материалам конференции подготовлена и опубликована статья «Модальные слова: границы понятия» // Молодая филология – 2017. Язык и литература: актуальные исследования: сб. ст. по матер. ежегодной научной студенческой конференции (г. Пермь, 25–26 апреля 2017 года) / отв. ред. Н. В. Медведева, главн. ред. Е. А. Рябухина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 23-27. Также результаты исследования обсуждались на заседании кафедры русского языка ПГГПУ и на дисциплине

по выбору «Методы научного исследования». На Всероссийской студенческой научной конференции «Молодая филология – 2018: Человек, культура, социум» был прочитан доклад «Субъективная модальность как средство создания образа медийной личности (на материале печатных СМИ)». По итогам исследования отдана в печать статья «Субъективная модальность как средство создания образа медийной личности (на материале печатных СМИ)».

Работа состоит из Введения, 3-х глав, Заключения и Библиографического списка.

Во Введении определяется актуальность исследования, обозначается объект и предмет, формулируется цель и задачи, перечисляются методы, используемые в работе, обосновывается новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, описывается сфера апробации работы, а также структура работы.

Первая глава содержит основные теоретические положения по проблеме языковой категории модальности, в том числе и главным образом субъективной модальности. Кроме того, даются определения понятий медиатекста, медиадискурса, медиаличности.

Вторая глава имеет практический характер. В ней представлен анализ лексических, лексико-грамматических, грамматических, графических и пунктуационных средств выражения субъективной модальности, посредством которых создается образ Аллы Пугачевой. Рассматриваются также конструкции, в которых происходит сочетание нескольких разноуровневых средств. Анализ проводился на материале медиатекстов журнала «Звезды и советы».

Третья глава посвящена анализу различных средств реализации субъективной модальности в медитекстах о Дане Борисовой, собранных из двух журналов – «Звезды и советы» и «Караван историй». Глава носит сопоставительный характер. В этой же главе содержатся методические рекомендации к применению материалов исследования в школьной практике.

Завершается работа Заключением, где представлены выводы, определены перспективы исследования.

Объем работы – 72 страницы. Список использованной литературы включает 57 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной главе проводится анализ научной литературы, посвященной вопросу категории модальности в языке. Освещается история ее изучения, основные проблемные зоны в теории модальности, дается определение субъективной модальности, определяется ее место в системе данной многоаспектной категории, рассматривается спектр субъективно-модальных значений и средства их выражения.

В главе определяются понятия медиатекста, медиадискурса и медиаличности.

1.1. История изучения проблемы языковой категории модальности

В 1950 году академик В. В. Виноградов написал работу «О категории модальности и модальных словах в русском языке», значение которой для отечественного языкознания невозможно переоценить: она послужила началом активного научного изучения категории модальности в собственно языковом аспекте и явилась истоком традиционного определения ее как важнейшего конструктивного признака предложения. В. В. Виноградов трактует модальность как отношение содержания предложения к действительности. В его работе говорится о том, что модальное значение – обязательный признак каждого предложения [Виноградов, 1975, с. 55]. В зарубежном языкознании начало изучения модальности принадлежит лингвисту Ш. Балли, который назвал ее «душой предложения». Языковед выделил в смысловой структуре предложения диктум (объективная семантическая часть) и модус (субъективная семантическая часть). Заметим, что для Ш. Балли понятия модальности и модуса были тождественны [Балли, 1955].

Некоторые ученые языковую модальность рассматривают с точки зрения логического подхода, т.е. с позиций модальности суждения [Колшанский, 1961; Панфилов, 1971; Бондаренко, 1979]. Например, В. Колшанский считает, что «<...> по своей природе модальное содержание предложения есть мысль как отражение действительности, взятая со стороны «модуса» существования действительного явления (возможность, действительность, необходимость)» [Колшанский, 1961, с. 97]. Модальность, по мнению исследователя, совершенно не влияет на структуру предложения, она является его семантическим признаком.

Интересен взгляд на категорию модальности в труде Т. В. Шмелевой. Исследователь рассматривает модальность в числе квалификативных категорий модуса, наряду с персуазивностью, авторизицией и оценочностью [Шмелева, 1984].

По наблюдениям Е. Беличовой-Кржижковой, модальность предложения передается взаимодействием целого спектра языковых средств: лексических, морфологических, синтаксических. Исследователь определяет модальное значение предложения как модальную базу, «<...> на основе которой получают интерпретацию отношения, устанавливаемые в рамках предметного содержания предложения с точки зрения говорящего» [Беличова-Кржижкова, 1984, с. 54]. Е. Беличова-Кржижкова отмечает, что модальная база предложения «<...> представляет его содержание как фактическое, потенциальное, желательное или же необходимое, причем роль говорящего сводится к регистрации объективно наблюдаемых фактов: например, потенциальность или же желательность, содержащиеся в МБ [модальной базе], предстают перед говорящим такими на основе анализа отношений объективной действительности (что не исключает, разумеется, некоторого субъективного момента в такой интерпретации)» [Беличова-Кржижкова, 1984, с. 54].

В. В. Виноградов отметил, что «<...> различия в способах выражения этой категории отчасти связаны с внутренними различиями в самих ее

синтаксико-семантических функциях, в ее функционально-синтаксическом существе» [Виноградов, 1975, с. 58]. Таким образом, уже в работе В. В. Виноградова прослеживается идея многогранного, или многоаспектного, характера модальности.

Общая концепция категории модальности, представленная В. В. Виноградовым и его последователями, входит в основу нашей работы.

Как говорилось выше, модальность считается одной из самых противоречивых, дискуссионных языковых категорий. Именно в сложности и многоаспектности семантической и функциональной структуры модальности некоторые ученые видят причины существования различных определений модальности и многообразия точек зрения относительно объема ее значений [Золотова, 1962, с. 65; Ваулина, Кукса, 2010, с. 25; Ваулина, 2010].

Многие лингвисты дифференцируют изучение сложной категории модальности в разных аспектах. В нашем исследовании представляет интерес такой аспект, как субъективная модальность.

1.2. Определение субъективной модальности

1.2.1. Место субъективной модальности в системе модальных значений

По мнению И. П. Распопова, решить вопрос о функционально-синтаксической сущности различных модальных значений и их оттенков, о выявлении их иерархической взаимозависимости можно только при учете основной функции языка, а именно: язык – важнейшее средство общения. В таком случае модальными оказываются две группы отношений. Отношения первой группы исследователь предлагает назвать опосредствованными, второй – непосредственными. У И. П. Распопова не встречается традиционных терминологических сочетаний «объективная модальность» и «субъективная модальность», но, по-видимому, отношения первого рода и есть то, что

называется объективной модальностью, а отношения второго рода – субъективной модальностью. Тогда субъективная модальность получает следующее определение: это «<...> отношения, определяющие содержание высказывания с точки зрения достоверности, вероятности, предположительности и т.д.» [Распопов, 1957, с. 184]. Устанавливает эти отношения сам говорящий. При этом непосредственные отношения накладываются на основное модальное значение предложения (которым является опосредствованное отношение говорящего к действительности: сообщение, вопрос или побуждение) и лишь придают этому значению дополнительные модальные оттенки [Распопов, 1957, с. 185-186].

Существенный вклад в изучение языковой категории модальности внесла Г. А. Золотова. Характеризуя модальность как «<...> понятие сложное и многопланное, включающее разнородные модальные характеристики, которые проявляются в разных аспектах структуры предложения, зачастую наслаиваясь одна на другую» [Золотова, 2005, с. 140], исследователь выделяет три аспекта ее проявления, один из которых – отношение говорящего к содержанию высказывания – субъективная модальность. Она, в отличие от объективной модальности – основного модального значения, – по наблюдениям Г. А. Золотовой, факультативный, необязательный признак предложения.

Интересна и ценна в учении о модальности идея Г. А. Золотовой об определении общего компонента значения в трех разных типах проявления данной категории. Таким связующим компонентом лингвист выделил значение реальности/нереальности. Из этого следует, что субъективно-модальные значения – это, с одной стороны, значения уверенности, убежденности (которые выражаются вводными словами и сочетаниями слов *конечно, разумеется, несомненно, действительно, безусловно, в самом деле и др.*), а с другой, – значения неуверенности, предположительности говорящего в сообщаемом (маркировать которые призваны преимущественно вводные слова

и сочетания слов *может быть, возможно, по-видимому, очевидно, пожалуй, вероятно, должно быть* и др.) [Золотова, 1962, с. 72].

Другой взгляд на субъективную модальность представлен в работах В. З. Панфилова и В. Н. Бондаренко. Напомним, что в данных теориях модальность предложения сводится к модальности суждения. По отношению к данному типу модальности ученые применяют еще одно определение – персуазивная. Это оценка говорящим степени познанный объективных (возможных, действительных и необходимых) связей. Иными словами, это оценка степени достоверности сообщаемого. Достоверность может быть проблематической (*Он, наверное, дома*), простой (*Он дома*) и категорической (*Он, конечно, дома*).

Кроме интонации и служебных слов с модальными значениями (например, *вероятно, может быть, конечно, несомненно и др.*), средством выражения субъективной модальности служит форма изъявительного наклонения глагола для значения простой достоверности.

В работах обоих авторов в целом выделяется два типа модальности: объективная и субъективная. Одной из главных особенностей взглядов В. З. Панфилова и В. Н. Бондаренко, отличающей их точку зрения от описанных выше концепций, является то, что роль организатора грамматической парадигмы предложения принадлежит здесь субъективной модальности [Панфилов, 1977, с. 39-42; Бондаренко, 1979, с. 60-61].

Н. Ю. Шведова также отмечает многозначность лингвистического термина «модальность». Модальностью «<...> называются разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [Русская грамматика, 1980, Т. 2, с. 214]. Субъективная модальность (есть не во всех предложениях) – это отношение говорящего к сообщаемому [Русская грамматика, 1980, Т. 2, с. 214].

На наш взгляд, в изучении субъективной модальности предложения велика роль работы Г. Я. Солганика. По мысли исследователя, субъективно-модальное значение представляет собой очень важный компонент синтаксической семантики предложения. Общая семантика предложений, построенных по схеме N1-Vf (*Завод работает*), это отношение между субъектом и его предикативным признаком. Это объективная семантика. Г. Я. Солганик убежден, что без субъективно-модального компонента общая семантика предложения является неполной. А субъективно-модальное значение предложений, в основе которых лежит данная схема, таково: «Говорящий описывает ситуацию со стороны» [Солганик, 1997, с. 317]. «Субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания, – утверждает лингвист, – включает в себя и оценочное отношение (истинность/неистинность, важность/неважность, хорошо/плохо и др.) [Солганик, 1997, с. 320-321].

Прежде чем перейти к вопросу о средствах выражения субъективной модальности, подведем итог вышесказанному. Итак, субъективная модальность в разных теориях имеет неодинаковое место: в работах одних ученых она формирует парадигму предложения, является его обязательным признаком, а в трудах других исследователей субъективно-модальные значения накладываются на основное объективно-модальное и считаются факультативными.

Мы считаем, что объективная модальность является основным, обязательным, модальным значением предложения, организующим его грамматическую парадигму. Субъективно-модальные значения накладываются на объективно-модальное, но также присутствуют в любом предложении: «Говорящий не может никак не выразить своего отношения к сообщению, хотя бы потому, что в нем всегда присутствует интонация. <...> Отношение выражается. А односложность фраз и однообразие интонаций свидетельствуют

либо о потухшей внутренней жизни человека, либо о нарочитом автоматизме, о «никак»-отношении» [Краснова, 2002, с. 130].

1.2.2. Субъективная модальность и языковые средства ее выражения

Изучая вопрос о месте субъективной модальности в общей модальной характеристике предложения, попутно мы касались проблемы связи субъективно-модальных значений и средств их выражения. В данном параграфе рассмотрим этот вопрос более подробно.

Н. Ю. Шведова отмечает, что наш богатый русский язык предоставляет говорящему/пишущему широкие возможности для выражения личного отношения к сообщаемому. По ее мнению, субъективно-модальные значения могут быть маркированы следующими средствами:

- специальными синтаксическими конструкциями (*Дом как дом; Чем не подарок!; Ему не до разговоров; Кругом было белым-бело от новых бревенчатых стен* (Б. Зубавин); *Наши березовские старики смехом смеялись, как такое услышали* (Бажов));
- повторением слов (*И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры...* (Гоголь); *Обещал: куплю, куплю велосипед, а сам все не покупаешь* (разг. речь));
- порядком слов (*Поймет (понял) он тебя! (конечно, не поймет); Охота ему (была) ехать в такую погоду!; Хорош мальчик!*);
- построениями с частицами (*Поговори мне еще!; Покричи еще у меня...; Всё ты виноват; Только он знает*);
- построениями с глагольными формами, наречиями и согласуемыми словами, выполняющими функции модальных частиц (*Смотри не шуметь у меня!; У нас народ этому не знаю как радуется* (А. Вальцева); *Хорошо я тогда дома оказался (Я хорошо тогда дома оказался); Какая ночь! Я не могу. Не спится мне. Такая лунность* (Есен.); — *У тебя отпуск? — Какое там отпуск!*);

- построениями с междометиями (*Вернуться на производство при твоей амбиции тебе будет, ой, нелегко!* (Панова); *Эй, образумься!*; *Фу, какой стыд!*; *Как нехорошо, ай-ай-ай!*; *Эге, вот оно в чем дело-то!*);
- вводными словами, сочетаниями слов и предложениями (*Сюда, как говорят, едет делегация*; *Воля твоя, я не согласен*);
- интонацией.

Кроме того, в структуре предложения может наблюдаться множество комбинаций этих средств (*Так бы, кажется, взял да и уехал; а уехать-то именно и нельзя* (С.-Щ.)).

Итак, согласно Н. Ю. Шведовой, русский язык богат самыми разнообразными субъективно-модальными значениями. Это не только значения уверенности или неуверенности в достоверности сообщаемого (*Кажется, дождь; Вроде бы дождь*), но и значения согласия, принятия или несогласия, неприятия (*Ехать так ехать; Мало (ли) куда зовут!*), положительной или отрицательной оценки (*Ай да молодец!*; *Ох уж эти родственники!*; *А еще друг!*), разных видов волеизъявления (*Поговори мне еще!*; *Дай освобожусь, тогда поговорим*), значения множественности, полноты, интенсивности (*Представь ты себе высокие-высокие горы, на тысячу раз выше, чем церковь... Наверху туман, туман, туман... Внизу громаднейшие камни, камни, камни...* (Чех.)), единственности и исключительности (*Только и радости, что в детях*), (значение высокой степени признака (*Вот голос так голос!*)) и многие другие [Русская грамматика, 1980, Т. 2, с. 216-237]. Отношение говорящего к сообщаемому, по наблюдениям лингвиста, «<...> почти всегда экспрессивно окрашено, поэтому субъективно-модальные значения можно назвать модально-экспрессивными» [Шведова, 1960, с. 364].

Вслед за Г. Я. Солгаником к средствам выражения субъективной модальности мы будем относить и оценочную лексику, включая фразеологию [Солганик, 1997].

В исследованиях XXI века круг языковых средств, способных выразить различные смыслы субъективной модальности, расширяется.

Широкими возможностями в этом отношении обладают деминутивные суффиксы [Воронина, 2012]. По справедливому замечанию З. И. Резановой, «Включение механизма деминутивно-оценочного словообразования в акт порождения высказывания/текста обуславливается как потребностями номинации – необходимостью, настроенностью на отражение размерных и других параметрических признаков предмета, явления, так и прагматическими задачами – нацеленностью на выражение эмоций, вызываемых определенными свойствами именуемого явления, предмета <...>, стремлением воздействовать на волю слушающего» [Резанова, 2005, с. 200].

Е. Н. Орехова считает, что продуктивным средством выражения субъективно-модальных значений является вопросительно-риторическое высказывание. Оно может реализовать значения удивления, возмущения, недоумения, сомнения, разочарования и др. [Орехова, 2015, с. 45]. Кроме отдельного риторического вопроса, выделяется также их цепочка, или иначе, по выражению А. В. Канафьевой, «риторический блок». «Риторический блок, – пишет Е. Н. Орехова, – продуктивное средство выражения субъективно-модальных значений и усиления экспрессии высказывания. В нем отражается эмоциональное состояние самого автора-журналиста, которое в большинстве случаев характеризуется как негативное» [Орехова, 2015, с. 45-46].

Ю. В. Богоявленская подробно рассматривает парцеллированные конструкции с точки зрения их возможностей реализовывать субъективно-модальные значения [Богоявленская, 2015]. Парцеллированная конструкция состоит из основной части и парцеллята, которые отделяются друг от друга точкой, вопросительным, восклицательным знаком, многоточием. «Своеобразным катализатором модального смысла становится знак точки (или другой пунктуационный знак конца предложения), переводящий объективный или субъективно-объективный тип изложения в чисто субъективный», –

утверждает исследователь [Богоявленская, 2015, с. 132]. Важная особенность работы Ю. В. Богоявленской заключается в том, что в ней подвергаются анализу конструкции, в которых сочетаются различные разноуровневые средства выражения субъективно-модальных значений. Такой прием носит название конвергенции [Богоявленская, 2015, с. 133].

Субъективно-модальными ресурсами обладает также пунктуация русского языка. Наиболее богато на такие значения многоточие. Этот знак может передавать значения недосказанности, недоговоренности, указывать на тайный смысл, заключенный в высказывании и др. [Валгина, 2004].

Лингвисты, занимающиеся изучением семантики и функций кавычек, отмечают их способность выражать субъективно-модальные значения и выполнять, соответственно, модальную функцию [Шварцкопф, 1997]; [Зализняк, 2007]; [Пучкова, 2011] и др.

Итак, можно сделать вывод, что в русском языке средства выражения субъективной модальности отличаются достаточным разнообразием. В нашей работе считаем возможным выделить *лексические* (оценочная лексика), *грамматические* (вводные конструкции, парцелированные и присоединительные конструкции, риторический вопрос (блок), специальные синтаксические конструкции), *лексико-грамматические* (построения с частицами, построения с междометиями, суффиксы субъективной оценки (деминутивные суффиксы), некоторые специальные синтаксические конструкции), *пунктуационные* (многоточие), *графические* (закавыченные слова), а также *конвергенцию средств* для реализации всего многообразия субъективно-модальных значений.

Считаем необходимым прокомментировать отнесение специальных синтаксических конструкций, построений с частицами и междометиями в ряд лексико-грамматических единиц. Так, например, такие специальные синтаксические конструкции, как фразеологизированные предложения, являясь принадлежностью синтаксического уровня, тем не менее тесно связаны с

лексикой, поскольку они обладают индивидуальной семантикой, отличаются идиоматичностью. В построениях с частицами и междометиями нас интересуют, с одной стороны, слова определенной части речи, с другой – не абсолютно любые частицы и междометия, а слова, обладающие определенным значением.

Большую трудность в плане отнесения к конкретной группе представляют слова с суффиксами субъективной оценки. С одной стороны, эти слова можно отнести к группе оценочной лексики. Так, например, И. Б. Голуб выделяет, наряду со словами с ярким оценочным значением и со словами в метафорическом употреблении, слова с суффиксами субъективной оценки (*сыночек, аккуратненько, бородача* и т.д.) в группе оценочной лексики [Голуб, 2010, с. 60]. Это, по нашему мнению, отчасти справедливо, поскольку такое слово можно рассматривать в качестве готовой лексической единицы, имеющей в словаре соответствующую помету. С другой стороны, как отмечает сама же И. Б. Голуб, оценочность в этом случае обусловлена словообразованием [Голуб, 2010, с. 60]. В словаре такие слова имеют отдельную словарную статью. Именно суффикс становится носителем эмоционально-оценочного значения. Словообразовательным средством выражения субъективной оценки уменьшительные и увеличительные суффиксы считают В. Н. Виноградова [Виноградова, 1987], Ю. О. Бронникова [Бронникова, 2014]. Учитывая все это, мы считаем возможным рассматривать слова с суффиксами субъективной оценки как лексико-грамматическое средство.

Следует также отметить, что к оценочной лексике мы относим слова и отдельные значения многозначных слов, сопровождаемые в толковом словаре специальными пометами (бран. – «бранное», ирон. – «ироническое», неодобр. – «неодобрительное», шутл. – «шутливое»; прост. – «просторечное», разг. – «разговорное» и др.); слова, содержащие оценку на уровне понятийного компонента значения слова; фразеологизмы; метафоры.

1.3. Медиатекст как источник изучения субъективной модальности

1.3.1. Понятие «медиатекст» в лингвистике

Рубеж 90-х годов XX – начала XXI века отмечен в российской науке о языке появлением нового направления лингвистики – медиалингвистики. В качестве базовой категории медиалингвистики Т. Г. Добросклонская выделяет медиатекст. В «Словаре терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности» А. В. Федорова находим следующее определение медиатекста: это «сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и пр.) [Федоров, 2010, с. 29]. По мысли Т. Г. Добросклонской, содержание понятия текста, функционирующего в СМИ, сложнее содержания понятия текста в традиционной лингвистике. Многослойность медиатекста создается сочетанием вербального текста с медийными свойствами определенного средства массовой информации (далее СМИ): музыкой, видеорядом, графическим оформлением [Добросклонская, 2005, с. 29-30].

Проблемам медиатекста посвящены работы Я. Н. Засурского [2005], Г. Я. Солганика [2005], Л. Г. Антоновой [2011], Г. С. Мельник [2012], М. Ю. Казак [2014], Э. Г. Шестаковой [2015], А. А. Селютина [2017] и других исследователей.

Г. С. Мельник дает определение медиатекста, подобное тому, что мы читаем в словаре А. В. Федорова, с добавлением того, что адресован он массовой аудитории [Мельник, 2012, с. 27].

М. Ю. Казак называет следующие основополагающие признаки медиатекста:

- медийность, или детерминация текста техническими и форматными свойствами передающего канала;
- семиотическая интегративность (объединение в тексте различных семиотических кодов);

- массовость (и на уровне производства, и на уровне получения медиапродуктов);
- интертекстуальная открытость (тексты в СМИ постоянно ссылаются друг на друга, цитируют) [Казак, 2014, с. 67-68].

Все исследователи так или иначе отмечают, что одной из главных особенностей медиатекста, отличающей его от классического текста, является сочетание в нем нескольких семиотических кодов. В некоторых работах данное свойство акцентируется в самом определении: «<...> медиатекст – это креолизованный, поликодовый, нелинейный текст, полиинтенциональная система, в которой вербальная, визуальная, аудиальная составляющие (начала) не существуют в отдельности, всегда образуя неповторимую «ансамблевую целостность»» [Шестакова, 2015, с. 51].

Помимо понятия медиатекста, для медиалингвистики важным является тесно связанное с ним понятие медиадискурса.

«В самом общем виде, – пишет Т. Г. Добросклонская, – медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2006, с. 21].

Современная лингвистика отличается высоким интересом ученых к феномену дискурса и различных его видов. В связи с этим неслучайно наиболее активно исследуется медиадискурс, который является предметом изучения различных наук. Сегодня СМИ пронизывают все сферы деятельности человека. Считается, что в действительности в настоящее время общество окружает медиареальность.

1.3.2. Понятие «медиаличность»

Картина мира современного человека во многом, если не полностью, формируется под воздействием СМИ. Мир, создаваемый СМИ, медийный. Субъектом этого мира выступает медийная личность (медиаличность).

А. А. Селютин отмечает неопределенность понятия «медиаличность». С одной стороны, это может быть личность, потребляющая медиатексты. В таком случае медиаличность можно определить как личность, у которой языковое сознание формируется под воздействием потребляемых медиатекстов. С другой стороны, это может быть личность, производящая медиатексты. Тогда появляется вопрос, является ли эта личность специалистом, например, журналистом [Жилавская, 2013] или блогером, или же обычным активным пользователем интернета. По мнению самого А. А. Селютина, ««медиаличность» – это совокупность вербальных и невербальных компетенций, позволяющая создавать и воспринимать тексты в информационно-коммуникативной среде, и обеспечивающая включенность индивида в публичное языковое пространство» [Селютин, 2017, с. 47].

Т. Л. Каминская считает, что понятие «медийная личность» со временем трансформировалось и в настоящее время, в эпоху социальных сетей, понимается как личность, имеющая собственный контент, посредством которого происходит ее самореализация в публичном пространстве. К выделенным А. В. Болотновым типам медийной личности (писатель, журналист, блогер, свидетель (наблюдатель)) она добавляет тип ученого [Каминская, 2017, с. 51].

По определению Д. А. Бакеевой, «медиаличность – это особый вид медийного человека, система осмысленного поведения которого (психологические особенности, привычки, поступки, манера поведения, жесты) фиксируется в медийной среде и образует тем самым уникальный

персональный поведенческий образ» [Бакеева, 2017, с. 162]. В нашей работе используется данное определение.

1.3.3. Оценочность публицистических текстов как основа субъективной модальности

Одна из сфер использования публицистического стиля – СМИ. Специфика данного стиля состоит в том, что он реализует одновременно две функции – информативную и воздействующую. Отсюда вытекает его языковое своеобразие: сочетание нейтральных и оценочных языковых единиц. Функция воздействия приводит к широкому применению разнообразных оценочных средств языка в публицистике. «Именно открытой оценочностью, явным выражением партийной, общественной или иной позиции автора публицистический стиль отличается от художественного, и именно в этой черте видятся важная примета и свойство публицистичности стиля» [Кожина, 2008, с. 346-347]. Оценочность, таким образом, является важнейшим, стилеобразующим свойством публицистических текстов.

Учитывая, что субъективная модальность отражает отношение говорящего к содержанию предложения, полагаем, что оценочность, характерная для публицистического стиля, будет выражаться и средствами модальности.

Выводы по главе

В результате анализа литературы, посвященной проблеме категории модальности, мы убедились в том, что в русском языке она решается неоднозначно и требует дальнейшего изучения, увидели, что субъективная модальность определяется исследователями по-разному и в различных теориях имеет неодинаковую значимость в системе модальности.

Мы придерживаемся так называемого широкого взгляда на субъективную модальность и определяем ее как отношение говорящего к содержанию высказывания с разных точек зрения: это может быть положительная или отрицательная оценка, насмешка, ирония, согласие/несогласие, принятие/непринятие, радость, сожаление, уверенность или неуверенность в достоверности и многие другие виды оценки. В основу такого понимания субъективной модальности легли прежде всего научные позиции В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. В решении вопроса о средствах выражения субъективной модальности значительное влияние на нашу концепцию оказали также работы Г. Я. Солганика, Е. Н. Ореховой, Ю. В. Богоявленской. В работе мы выделяем лексические, грамматические, лексико-грамматические, графические, пунктуационные средства, а также их конвергенцию.

Понятие «медиаличность» также не отличается однозначностью. В нашей работе используется определение, данное Д. А. Бакеевой.

В понимании медиатекста мы следуем определению Г. С. Мельник: это «конкретный результат медиапроизводства, медиапродукт – сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, рекламное сообщение, фильм и пр.), адресованное массовой аудитории» [Мельник, 2012, с. 27].

ГЛАВА 2. СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ ОБ АЛЛЕ ПУГАЧЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДЫ И СОВЕТЫ)

Данная глава носит практический характер. Здесь рассматриваются языковые средства выражения субъективной модальности, которые, наряду с другими, способствуют созданию образа Аллы Пугачевой.

Для определения медиаличности мы провели эксперимент, в котором приняли участие 40 человек. Суть эксперимента состояла в том, что информантам предлагалось назвать 10 имен личностей, о которых они часто читают и слышат в СМИ. Среди ответов одним из самых частотных оказалось имя Аллы Пугачевой. Поэтому нами было решено взять для анализа тексты о данной медиаличности в журнале «Звезды и советы». Всего проанализировано 12 медиатекстов, из которых методом сплошной выборки составлена картотека из 82 синтаксических конструкций, что составляет 100%.

2.1. Языковые средства выражения субъективной модальности

В работе заложен уровневый принцип подачи материала: от лексических средств к грамматическим (включая средства пунктуации). В конце рассматриваются конвергентные единицы.

2.1.1. Оценочная лексика как средство выражения субъективной модальности

Наш материал показал, что оценочная лексика в качестве единственного средства выражения субъективной модальности употреблена в восьми синтаксических конструкциях, что составляет 9,8%.

- – Свадьба *такая авангардная*. Сидишь *жрешь*, пьешь. И что удивительно – без тостов! – *подколола* она молодых в разгар веселья (*авангардный* 2. перен. ‘Передовой’ [Словарь русского языка, 1981, с. 20]; *жрать* | *Прост.* пренебр. О человеке [Словарь русского языка, 1981, с. 488]; *подколоть* 4. перен. Разг. ‘Поддеть, уязвить’ [Словарь русского языка, 1983, с. 192]).

В данной конструкции наблюдаем просторечную и разговорную лексику как в словах автора, так и в прямой речи. Достоверно неизвестно, насколько точно переданы слова А. Пугачевой, но очевидно то, насколько «свободно» изъясняются герои сюжета. Использование просторечной лексики нежелательно ни в одном из стилей русского языка, игнорирование этого запрета говорит не только об отношении к личности Аллы Пугачевой, но и о низком качестве журнала.

- Алла там *сразила* своим *дерзким* видом *наповал!* (*дерзкий* 1. ‘Непочтительный, грубый, вызывающий’ [Словарь русского языка, 1981, с.390-391]; Сочетание *сразить наповал*, на наш взгляд, представляет собой фразеологическое сочетание, значение которого можно сформулировать таким образом: ‘очень сильно удивить’. Тогда мы обнаружим субъективно-модальную семантику высокой степени проявления действия. Включить в толкование семантические компоненты ‘очень’ и ‘сильно’ считаем возможным по следующим причинам. Во-первых, данное значение зафиксировано в толковании глагола *сразить*: в данном контексте он употреблен во 2 значении (переносном) ‘Взволновать, произвести чрезвычайно сильное впечатление; поразить, потрясти’ [Словарь русского языка, 1984, с. 237]. Во-вторых, важно отметить, что сочетание *сразить наповал* носит плеонастический характер: наречие *наповал* также вносит значение степени.

- И Алла Пугачева *так* не хотела *впрягаться* в эстрадную *пахоту* (*так* 5, нареч. ‘Обозначает высокую меру, сильную степень проявления какого-л. качества, действия, состояния: в такой степени, до такой степени, настолько’

[Словарь русского языка, 1984, с. 332]). Кроме модального значения высокой степени проявления действия, в этом предложении употребляется трансформированный фразеологизм *впрячься в работу* (или *в дело*) ‘Приняться за длительную или трудную работу’ [Словарь русского языка, 1981, с. 224], в котором, вместо нужного именного компонента, использован компонент *в пахоту* – существительное, образованное от жаргонного глагола *пахать* (шутл.-ирон. ‘Тяжело работать’ [Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона, 1999, с. 147]).

- *Пахать на износ ради заработка ей не требуется.*

Как мы видим, журналисты в статьях об Алле Пугачевой неоднократно используют жаргонные слова *пахать*, *пахота*. Наречие *на износ*, по нашему мнению, передает значение высокой степени проявления действия. Мы нашли толкование данного слова только в «Словаре русского языка» под ред. Н. Ю. Шведовой, где оно подается как существительное в переносном значении ‘Без отдыха, в постоянном напряжении’ [Словарь русского языка, 1987, с. 198]. Считаем нужным подчеркнуть, что в речи мы чаще слышим сочетание *работать на износ*, в котором глагол имеет нейтральную окраску, а семантику степени имеет только наречие.

- [– *Пришлось делать бровки домиком и умолять: «Алла Борисовна, спасайте! Не бросайте в терновый куст»!*] *И суровое пугачевское сердце дрогнуло – ну нельзя же, чтобы мальчик так страдал... (суровый 1. ‘Твердый, непреклонный, лишенный мягкости, не знающий снисходительности к себе и другим’ [Словарь русского языка, 1984, с. 308]).* Использование данной лексемы определяет силу духа Аллы Пугачевой, твердость характера.

Таким образом, с помощью жаргонной, просторечной, разговорной лексики передаются модальные значения высокой степени проявления действия, оценочность и др.

2.1.2. Лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности

Мы встретили семь конструкций (8,5%), включающих в свой состав слова с деминутивными суффиксами.

- *На голове – затейливые перья, на ножках – бархатные ботфорты, рядом – муж Максим Галкин, молодой и модный.*

Деминутивный суффикс **-к-** выражает уменьшительно-ласкательное субъективно-модальное значение [Русская грамматика, 1980, Т. 1, с. 210; Виноградов, 1972, с. 121; Словарь русского языка, 1982, с. 507].

Уменьшительное значение передает суффикс **-ик-** в следующем примере: *Поверх шортиков АБ накинула прозрачную юбку. [Соблюла приличия?].*

Суффиксы **-ишк-** и **-урк-** в словах *детишки, дочурка* и *сынишка* передают ласкательное и уменьшительно-ласкательное субъективно-модальное значение [Виноградов, 1972, с. 122; Словарь русского языка, 1981, с. 393, 441; 1984, с. 325] в следующих двух примерах:

- *А сейчас ей больше нравится гулять на днях рождения детишек и внуков.*
- *А рядом с виновницей торжества озорничали дочурка и сынишка самой АБ – Лиза и Гарри.*
- *Она частенько выбирается с давней подругой Лаймой Вайкуле на посиделки в юрмальские ресторанчики.*

Если мы сравним семную структуру лексического значения наречия *частенько* ('Довольно часто; нередко' [Словарь русского языка, 1984, с. 654]) и производящего слова *часто* (нареч. к частый, *частый* 'Происходящий, повторяющийся с небольшими промежутками, через короткие промежутки времени' [Словарь русского языка, 1984, с. 655]), то выявим, что суффикс **-еньк-** здесь эксплицирует субъективно-модальное значение высокой степени признака действия.

Заметим здесь, что употребление суффиксов субъективной оценки характерно для разговорной, экспрессивно окрашенной речи.

Кроме слов с суффиксами субъективной оценки, в нашем материале мы выявили шесть конструкций (7,3%), содержащих частицы.

- *[На день рождения Клавуси Алла пришла в сдержанном наряде.]
Всё ж она бабушка! [Не до стразиков].*

Частица *всё ж* вносит в предложение значение «<...> выявление предикативного признака несмотря на условия, ему не благоприятствующие» [Шведова, 1960, с. 177].

- *Все зааплодировали ее смелости и признали, что АБ и без шиньона хорошо!*

- *[И Алла Пугачева так не хотела впрягаться в эстрадную пахоту.]
Она же в отпуске была.*

Частицы *же* и *и* вносят в предложения субъективно-модальное значение эмоционально окрашенного подчеркивания, акцентирования, усиления [Русская грамматика, 1980, Т.2, с. 224; Словарь русского языка, 1981, с. 474, 626].

О. Б. Сиротина отмечает, что для разговорного стиля существенным является не столько широкое применение лексики сниженной окраски, сколько, наряду с другими единицами (например, простыми, неосложненными предложениями, простыми предлогами и союзами и пр.), активное использование частиц [Сиротина, 2006, с. 321]. В самом деле, частицы в русском языке представляют собой класс слов, служащих не только для образования форм морфологических и синтаксических наклонений (*бы, пусть, пускай* и др.), образования отрицательных конструкций (*не, ни*), но и придающих высказыванию различные дополнительные смысловые и эмоционально-оценочные значения. Последние не являются существенными для конструктивной организации высказывания, они придают речи эмоциональную и экспрессивную окрашенность и, следовательно, не характерны для книжных стилей.

2.1.3. Грамматические средства выражения субъективной модальности

В нашем материале встретилось четыре единицы, представляющих собой построения, опирающиеся на структуру вопроса и ответа (4,9%). Они передают значение эмоционально окрашенного подчеркивания, акцентирования.

- *Хочется на перекур? В замке много укромных мест, куда ни Лиза, ни Гарри не доберутся.*

- *[И не сомневайтесь – разговелись на славу!] А почему нет, раз уже сразу два праздника отмечали?*

- *Что главное на отдыхе? Веселая компания и хорошая еда! [У Аллы в Прибалтике и того, и другого вдоволь!]*

- *Опять работать?! Нет!*

Вопросно-ответный комплекс считается широко распространенным видом диалогического единства. Для высказываний, входящих в структуру вопросно-ответного комплекса и, шире, диалога характерна простота синтаксических построений (неполные, односоставные и, как видно из наших примеров, даже нечленимые предложения в качестве ответной реплики). Основная сфера употребления диалога, включая вопросно-ответный комплекс, – разговорная речь [Трошева, 2006, с. 45].

Три конструкции с вводными компонентами (3,7%), которые выражают степень уверенности, указывают на связи между явлениями, на источник сообщения.

- *Похоже, Алла Пугачева не придет к нам в гости в новогоднюю теленочь.*

- *[Она в свое время зарабатывала для Отчизны миллионы!] А себе миллионов пенсии, **выходит**, не заработала.*

- *Но, как сейчас выяснилось, жить весело она намерена уже без нас – телезрителей.*

Вводные конструкции также требуют стилистического комментария. Вводные слова и сочетания слов со значением уверенности, неуверенности (*разумеется, вероятно, возможно* и др.) используются в книжных стилях, а вводные слова и сочетания слов, выражающие радость, удивление, огорчение и др. (*к счастью, к удивлению, на радость, удивительное дело* и т.д.), а также используемые для привлечения внимания (*послушайте, знаете ли, видите ли, вообразите, представьте* и др.) придают речи экспрессивную окраску, поэтому их стихия – разговорная речь [Голуб, 2010, с. 403]. Разговорную окраску имеет и вводное слово *похоже*.

Один риторический вопрос (1,2%), передающий ироническое субъективно-модальное значение. В нем выражается противоположный смысл: Алла Пугачева не соблюла приличия.

- *[Поверх шортиков АБ накинула прозрачную юбку.] Соблюла приличия?*

И. Б. Голуб пишет: «<...> риторические вопросы отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств» [Голуб, 2010, 426].

2.1.4. Закавыченные слова и многоточие как средства выражения субъективной модальности

Закавыченные слова в нашем материале встретились в пяти случаях (6,1%). Чаще всего кавычки употребляются для выражения иронического значения.

- *24 января этот гламур «усилил» стилист Алишер.*
- *[Она сама получает от государства около 17 000 руб.] Это среднее «пособие по старости» плюс доплата за полученные ордена «За заслуги перед Отечеством» трех степеней.*

Нами выявлен только один случай (1,4%) употребления многоточия в качестве единственного средства. Многоточие выражает значение недосказанности, позволяет читателю домыслить содержание.

- *[Каникулы же!] Можно расслабиться...*

2.1.5. Конвергенция средств выражения субъективной модальности

Большой интерес представляют конструкции, в которых наблюдается концентрация нескольких разноуровневых языковых средств, что способствует созданию наиболее яркого субъективного значения. Эти конструкции, по нашим наблюдениям, являются наиболее продуктивными: обнаружено сорок восемь примеров (57,3%). Встречаются самые разные комбинации.

В единицах с несколькими средствами выражения субъективной модальности мы попытались выделить основные средства. По нашему мнению, этим средством является оценочная лексика. Доказать мы это можем тем, что в случае замены частиц на другие частицы значение эмоционального подчеркивания в конструкции останется. Если же мы будем заменять знаменательные слова разговорного, просторечного, жаргонного характера на стилистически нейтральные слова, то эмоционально-экспрессивный эффект высказывания и его яркая оценочность сведется практически к нулю.

I. *Оценочная лексика* в нашем материале представлена в сочетании с частицами (8 единиц); вводными словами (1 единица); глагольной формой в функции частицы (1 единица); закавыченным словом (1 единица); многоточием (1 единица); а также в комбинации одновременно со словами с суффиксами субъективной оценки, частицей, наречием и согласуемым словом в функции частицы, вводным словом, многоточием (1 единица). Приведем некоторые наиболее интересные примеры.

Оценочная лексика + частицы

- *В последний раз банкет закатывала аж три года назад – на свое 65-летие (закатить. 3. Прост. ‘Устроить, сделать (обычно что-л. особенное, из ряда вон выходящее)’ [Словарь русского языка, 1981, с. 526]).*

- *А ведь раньше Примадонну на звездные тусовки из подмосковного замка вытащить было невозможно. В «Толковом словаре русского общего жаргона» отмечается, что слово тусовка часто употребляется пренебрежительно, имеет коннотативное значение ‘Праздность времяпрепровождения, незначительность целей’ [Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона, 1999, с. 223].*

- *Примадонна с Филиппом и Максом их грохали об пол исключительно на счастье! (грохать 2. Разг. ‘Поставить, бросить, уронить что-л. с сильным шумом, грохотом’ [Словарь русского языка, 1981, с. 350]).*

Во времена советской эстрады, да и после, Алла Пугачева была одной из лучших эстрадных певиц. После исполнения на «Евровидении» в 1997 г. песни «Примадонна» за Аллой Пугачевой закрепилось определение Примадонна. (*примадонна. Театр. устар.* ‘Певица, исполняющая главные партии в опере или оперетте’ [Словарь русского языка, 1983, с. 421]). С тех пор это определение закрепилось за Аллой Пугачевой, в текстах журнала оно встречается достаточно часто. Использование слова *Примадонна*, особенно на контрастном употреблении с именами Филипп и Макс, передает значение уважительного отношения к Пугачевой.

Частицы в сочетании с просторечными и жаргонными словами служат созданию высокой экспрессии высказывания, выполняют экспрессивно-оценочную функцию [Современный русский язык, 2014, с. 119-120].

Оценочная лексика + глагольная форма в функции частицы

- *Попробуй откажись при такой зависимости.*

В данной модели глагольная форма *попробуй* перешла в служебное слово, но окончательно не утратила своей глагольной семантики (*пробовать* 2. ‘Пытаться делать что-л., употреблять усилия для достижения чего-л.’ [Словарь русского языка, 1983, с. 464]). В таком значении в речи этот глагол часто используется в конструкциях типа *Я пробовал (было) отказаться, но...*. В схеме *попробуй откажись* глагольная форма выражает, таким образом, значение невозможности, неосуществимости, трудности. Слова *такая* и *зависимость* являются носителями субъективно-модального значения высокой степени проявления признака. Кроме того, мы должны помнить о наличии отрицательной коннотации представленного здесь лексико-семантического варианта слова *зависимость* в коллективном языковом сознании. У русского языкового коллектива за данным значением слова закреплена ассоциация с отрицательными человеческими качествами: слабостью, безволием, склонностью к агрессивному поведению и пр.

Оценочная лексика + слова с суффиксами субъективной оценки + частица+ наречия и согласуемые слова в функции частиц + вводное слово + многоточие

- *Похоже, Алла Пугачева устала купаться в море комплиментов – дескать, как молодо выглядит, как круто похудела, какие стильные вещички начала носить...*

В данном примере наиболее сильным маркером субъективной модальности, на наш взгляд, оказывается жаргонное наречие *круто*. Оно употреблено в значении – ‘Сильно’ [Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона, 1999, с. 85]. Наречие *как* и местоимение-прилагательное *какие* выполняют здесь функцию модальных частиц и выражают субъективно-модальное значение высокой степени

проявления признака. Еще раз обратим внимание на то, что вводное слово *похоже* имеет разговорную окраску, а частица *дескать* – просторечную.

Трудно определить, какое средство является ведущим, когда в конструкции сочетается оценочная лексика со словами с деминутивными суффиксами (5 единиц).

- *В **дранных** джинсах АБ была похожа на худенькую девочку! (дранный. Разг. ‘Рваный, истрепанный, изношенный (о вещах, одежде’ [Словарь русского языка, 1981, с. 443]).*

Анализируя слово *дранный*, обратимся к синонимическому ряду, в котором оно находится. Доминантой ряда является лексема *рваный* (как стилистически нейтральная и с непроизводной основой): *рваный, разорванный, изорванный, дранный, изодранный, разодранный*. Любопытен тот факт, что все лексемы с корнем *-рв-* в словаре не имеют пометы *разг.*, а все лексемы с корнем *-др-*, напротив, употребляются в разговорном стиле. Автор текста почему-то выбрал не нейтральный синоним, а именно разговорный, который, во-первых, звучит грубее, а во-вторых, имеет в семной структуре компоненты ‘истрепанный’, ‘изношенный’, отличающие данное слово от его синонима.

Стоит прокомментировать тот факт, что в текстах об Алле Пугачевой наблюдается тенденция к аббревиации инициалов ее имени. Это свидетельствует о широкой известности певицы, о масштабе ее личности. Сокращения *АБ* достаточно для того, чтобы аудитория поняла, что речь идет об Алле Борисовне Пугачевой. Подчеркнем, что если на экране для сцены во время концертов имена всех артистов пишутся полностью (например, Лев Лещенко, Владимир Винокур, Александр Буйнов), то имя Аллы Пугачевой почти всегда изображается как *АБ*.

- *И там уважаемые артистки **шалят** словно девчонки! (шалить. Разг. ‘Вести себя легкомысленно, несерьезно, совершать ради забавы разные проделки; дурачиться’ [Словарь русского языка, 1984, с. 698]).* Данный пример по-своему интересен комплексностью субъективно-модального значения:

суффикс **-онк-** добавляет в конструкцию уменьшительно-уничижительное значение [Русская грамматика, 1980, Т.1, с. 214], а функционирование слова **девчонки** в составе сравнительного оборота эксплицирует семантику сравнения. Вместо глагола **шалят** по отношению к Алле Пугачевой и ее подруге, можно было употребить другой глагол (например, *отдыхают, развлекаются*). Но автор намеренно представляет читателю, что артистки ведут себя как беззаботные, несерьезные дети. Кроме того, словом **девчонка** называют очень молодую, легкомысленную девушку. Ср. в другом примере: *И тогда певицы резвились среди пляжных дюн, словно девчонки – пикнички с пивом устраивали, на праздник Луго (у нас – Ивана Купалы) венки плели и даже цветок папоротника в траве искали (резвиться, перен. Разг. ‘Вести себя по-детски, несерьезно; ребячиться’ [Словарь русского языка, 1984, с. 691].*

II. Ведущим средством выражения субъективно-модального значения могут выступать и слова с суффиксами субъективной оценки, которые употребляются в соединении с оценочной лексикой и многоточием (1 единица); с многоточием (2 единицы); закавыченным словом (1 единица); оценочной лексикой и вводным словом (1 единица).

Слова с суффиксами субъективной оценки + оценочная лексика + многоточие

- *И гордо демонстрировала всем открытые колени и оранжевые носочки...*

Благодаря наличию суффикса **-к-** в своей структуре слово **носочки** приобретает значение ‘Маленькие, детские носки’ [Словарь русского языка, 1982, с. 511]. Сема ‘детскость’, отличающая лексическое значение слова **носочки** от слова **носки**, позволяет, как нам кажется, в данном случае говорить о наличии не уменьшительно-ласкательного, а иронического, насмешливого субъективно-модального значения. Этому способствует как лингвистический, так и внелингвистический контекст. Кроме того, это способствует выделению

данного слова в ряд основных средств выражения субъективной модальности. Оценочность в слове *гордо* заключена в понятийном компоненте. Это, с нашей точки зрения, говорит о меньшей степени экспрессивности данного слова по сравнению со словами разговорной или просторечной сферы употребления.

Слова с суффиксами субъективной оценки + многоточие

- *Белое плечико, черное платье и ... объятия с мужчиной, но не с мужем.*

Суффикс **-ик-** имеет уменьшительное значение [Русская грамматика, 1980, Т. 1, с. 208]. Многоточие, как и в предыдущем примере, реализует семантику недосказанности, недоговоренности. Кроме того, здесь оно создает дополнительный эффект неожиданности.

- *Ныне АБ похудела на 20 кг ...
... и предпочитает короткие **платьица**, подчеркивающие талию и ножки.*

Суффикс **-иц-** вносит семантику уменьшительности и детскости. Если мотивирующее слово *платье* имеет значение ‘Женская одежда, верхняя часть которой, соответствующая кофте, составляет одно целое с нижней частью, соответствующей юбке’ [Словарь русского языка, 1983, с. 136], то производное слово *платьице* – ‘Платье для девочки’ [Словарь русского языка, 1983, с. 136].

III. *Парцеллированная конструкция* сочетается со словами с оценочной лексикой (1 единица); с суффиксами субъективной оценки (2 единицы); закавыченными словами (1 единица).

Парцеллированная конструкция + слово с суффиксом субъективной оценки

- *А ей бы побережся. Ведь детишек надо растить, на ноги ставить.*

В функции союза в данном предложении выступает разговорная частица *ведь*.

- *Имеет. На данный момент это 453 тыс.руб. Тем более детишкам Аллы – Гарри и Лизе – исполнилось по три годика.*

Парцеллированная конструкция + оценочная лексика

- *И, чтобы исправить «недоработку», произнесла тост. **Который больше походил на главную заповедь семейного счастья:***

[- Когда ссоритесь, никогда не уходите из дома! Просто идите в другую комнату...]

Парцеллят в виде придаточной части позволяет выделить, подчеркнуть содержание высказываемой в ней мысли. Парцеллированные конструкции – единицы экспрессивные: прерывистость связи позволяет усилить смысловые акценты, создает стилистическую напряженность [Валгина, 2001, с. 192; Копнина, 2006, с. 282].

Слово *заповедь* употреблено во 2 значении - *перен. Высок*. ‘Непреложное повеление, предписание; строго обязательное правило поведения’ [Словарь русского языка, 1981, с. 558]. Соединяя слово *заповедь* со словосочетанием *семейное счастье* (*счастье* 1. ‘Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.’ [Словарь русского языка, 1984, с. 320]), авторы статьи говорят о том, что Алла Пугачева обладает жизненным опытом, позволяющим давать хорошие, ценные советы. Таким образом, оценочностью отличается сложное словосочетание *заповедь семейного счастья* целиком.

IV. В качестве ведущего маркера субъективной модальности иногда служит *фразеологизированное предложение*, которое вступает в конвергенцию с парцелированной конструкцией (2 единицы); словами с суффиксами субъективной оценки (1 единица); оценочной лексикой и частицей (1 единица).

Фразеологизированное предложение + парцелированная конструкция

- *[Пенсионерке Пугачевой и правда повезло.] О ней и детях есть кому позаботиться. Ведь есть муж Максим Галкин – молодой и модный.*

Фразеологизированное предложение *О ней и детях есть кому позаботиться* выражает значение возможности осуществления действия, обусловленную наличием субъекта [Русская грамматика, 1980, Т. 2, с. 385]. С помощью парцеллята, в котором уточняется субъект, акцентируется, усиливается семантика возможности.

Фразеологизированное предложение + слова с суффиксами субъективной оценки

- *[На день рождения Клауси Алла пришла в сдержанном наряде. Всё ж она бабушка!] Не до стразиков.*

Предложение *Не до стразиков* в данном случае реализует семантику несвоевременности чего-либо [Русская грамматика, 1980, Т.2, с. 383], а именно *стразиков*. Суффикс *-ик-* вносит уменьшительное значение, сопровождаемое в данном контексте отрицательной экспрессией.

Фразеологизированное предложение + оценочная лексика + частица

- *Ну чем не гламурная дива?*

Важно отметить, что данное предложение представляет собой синкретичную единицу: оно сочетает в себе свойства фразеологизированного предложения и риторического вопроса одновременно. С помощью данного построения выражается абсолютная уверенность авторов в том, что Алла Пугачева обладает безусловным звездным статусом: фразеологизированные предложения такого типа «<...> означают полное соответствие предмета

представлению о нем» [Русская грамматика, 1980, Т. 2, с. 384]. Употребление слова *дива* свидетельствует о знаменитости Аллы Пугачевой (*дива*. Устар. ‘Знаменитая артистка, певица’ [Словарь русского языка, 1981, с. 397]).

V. *Риторический блок* может включать в свой состав частицу (1 единица); риторический вопрос + частица (1 единица); построение, опирающееся на структуру вопроса и ответа + вводное слово + частица + многоточие (1 единица).

Риторический блок + частица

- *Но Алле-то это зачем? Или в ее судьбе грядут большие перемены?*

В этой конструкции за счет конвергенции транслируется комплексное субъективно-модальное значение: недоумение, удивление, предположение, эмоционально окрашенное акцентирование.

Риторический вопрос + частица

- *[Но нет! Это не она. А перевоплотившаяся в нее Елена Воробей. Кстати, здорово вышло! Но все равно...] Разве Пугачеву заменишь?*

Риторический вопрос в сочетании с частицей *разве*, выражающей сомнение, в целом передает значение невозможности замены Аллы Пугачевой кем-либо другим: в новогоднюю ночь зрителям нужна Алла Пугачева, а не пародия на нее. Субъективная модальность в полной мере реализуется только в контексте данного предложения.

VI. Ведущее средство – *построение, опирающееся на структуру вопроса и ответа* – выступает в соединении с оценочной лексикой (1 единица); частицей, парцеллированной конструкцией, вводным словом, многоточием (1 единица).

Построение, опирающееся на структуру вопроса и ответа + оценочная лексика

- [– С днем рождения, Алла Борисовна! – каждый год 15 апреля эти слова разносятся песней по всей стране! Миллионным многоголосьем звучат они и сейчас.] **А что именинница? Отмахивается от них! (отмахиваться 2. Перен. Разг. ‘Отказываться заниматься чем-л., делать что-л., уделять внимание чему-л.’ [Словарь русского языка, 1982, с. 690]).** Построение характеризуется значением акцентирования в сочетании со значением удивления.

Построение, опирающееся на структуру вопроса и ответа + частица + парцелированная конструкция + вводное слово + многоточие (1 единица)

- **А некуда спрятаться, как на детском празднике? Ну, значит, надо терпеть. Как бы трудно ни было...**

Данная конструкция содержит комплексное субъективно-модальное значение: эмоционально окрашенное подчеркивание, вывод, сожаление, иронию.

VII. Основным средством может быть *вводное слово*, вступающее в конвергенцию с оценочной лексикой. Такая конструкция встретилась однократно.

Вводное слово + оценочная лексика

- [А ныне она ради этого собрала близких и друзей в одном из московских ресторанов. Были угощения, песни и танцы в греческом стиле] **Солировала, конечно же, Алла!**

В этом предложении выражается уверенность авторов в лидерской позиции Аллы Пугачевой в кругу своих близких и друзей. Значение уверенности заключено в вводном слове и поддерживается восклицательной интонацией. Лексема *солировать* (*солировать* ‘Исполнить (исполнять) соло, быть солистом’ [Словарь русского языка, 1984, с. 190]) приобретает в контексте оценочные свойства.

Встретились и другие комбинации различных средств в пределах одной синтаксической конструкции, в которых сложно выявить ведущее средство. Это такие комбинации, как соединение словоформ + согласуемые слова в функции частицы + закавыченные слова + многоточие (1 единица); присоединительная конструкция + парцелированная конструкция + оценочная лексика (1 единица); междометие + согласуемое слово в функции частицы (1 единица).

- *[Недавно на концерте «Удачные песни» поклонники расточали хвалу ее прическе – ах, какие пышные локоны!] А Алла со смехом **взяла и ... «вырвала» у себя целый «клок волос» <...>**.*

Конструкция типа «взял + союз И (или ДА) (в значении частицы) + глагол в прошедшем времени» употребляется только в разговорном стиле, поскольку придает высказыванию непринужденность, фамильярность [Бельчиков, 2012, с. 203]. Соединение **взяла и вырвала** и многоточие направлены на создание модального значения неожиданности действия, а закавыченные слова придают конструкции ироническое значение.

Представим сводную диаграмму, на которой показана частотность употребления средств выражения субъективной модальности, использованных в конвергентных единицах. Порядок следования позиций такой же, как и в текстовой части работы (см. п. 2.1.1 и далее).

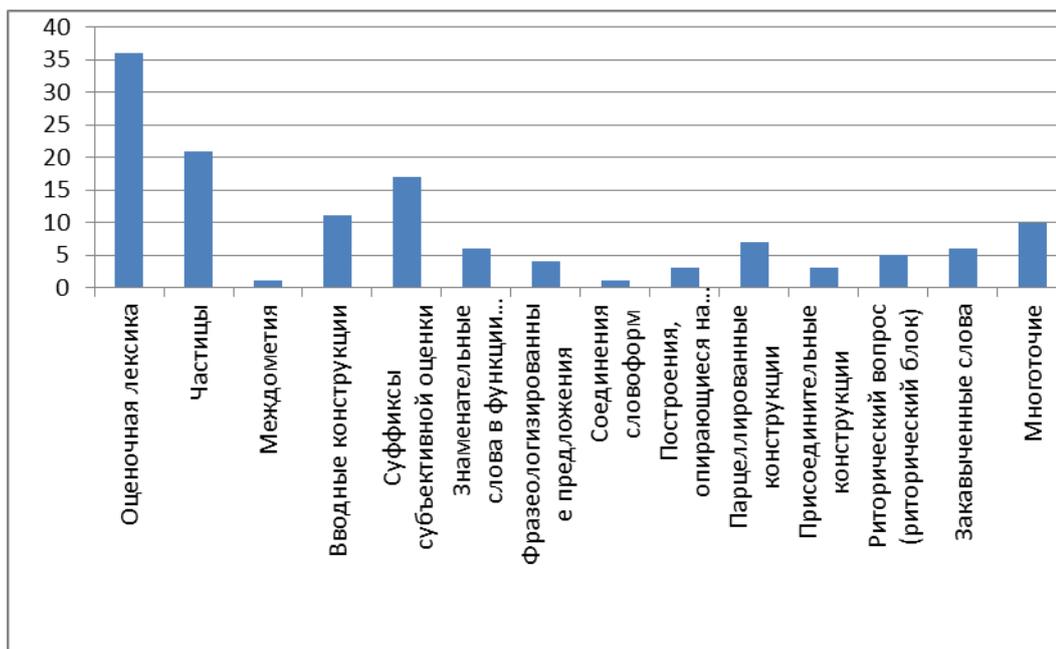

Рис. 1. Конвергенция средств выражения субъективной модальности (Алла Пугачева, «Звезды и советы»)

В конвергентных единицах нами выявлено четырнадцать видов средств реализации субъективной модальности. При подсчете учитывалась каждая лексема, каждая частица и т.д. Наиболее частотным средством оказалась оценочная лексика (36 словоупотреблений). Объяснение этому видится нам в том, что в русском языке все знаменательные части речи обладают ресурсами для выражения различных эмоционально-оценочных значений. Лексика часто имеет разговорную (*грохали, резвились, шумиха*), жаргонную (*круто, тусовки*) сферу употребления.

Выводы по главе

Проведенный анализ языковых средств выражения субъективной модальности на материале медиатекстов об Алле Пугачевой в журнале «Звезды и советы» позволяет нам сделать вывод о том, что наиболее часто различные средства конвергируются в пределах одной синтаксической конструкции. В

таких единицах, как правило, создается целый спектр субъективно-модальных значений.

Среди средств, функционирующих самостоятельно, самыми употребительными оказалась оценочная лексика и деминутивные суффиксы. Лексика отличается преимущественно разговорным, просторечным и жаргонным характером. Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Деминутивные суффиксы **-к-**, **-ик-** в таких словах, как **носочки**, **шортики**, **стразики** и др., имеющие в системе языка уменьшительное или уменьшительно-ласкательное значение, осложняются оценочным компонентом отрицательного характера.

Важно еще раз подчеркнуть, что употребление слов с уменьшительными, уничижительными и ласкательными суффиксами придает речи (тексту) «<...> фамильярную, интимную окраску, иногда выражает сочувствие, иронию <...>» [Голуб, 2010, с. 200]. Таким образом, большое количество таких слов в текстах данного журнала также служит подтверждением мысли о его принадлежности к «некачественной» прессе.

В журнале «Звезды и советы» создается образ Аллы Пугачевой как женщины, которая молодится не по возрасту. Она ведет образ жизни, который свойствен молодым людям. Об этом свидетельствует использование таких лексем, как **тусовка**, **круто**, **шалить**, **резвиться** и др. Стиль ее одежды также не соответствует возрасту. Ср. **дранные джинсы**, **суперкороткие шортики**. Формированию такого образа способствует также большое количество слов с деминутивными суффиксами **-к-**, **-ик-**, **-иц-**. Однако не вызывает сомнений факт, что авторы статей выражают уверенность в высоком звездном статусе Аллы Пугачевой, как общественном, так и семейном. Этому способствует, например, использование синкретичной единицы, сочетающей в себе свойства фразеологизированного предложения и риторического вопроса и содержащей оценочную лексику **Ну чем не гламурная дива?**, а также построения **Солировала, конечно же, Алла!**

ГЛАВА 3. СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В МЕДИАТЕКСТАХ О ДАНЕ БОРИСОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ «ЗВЕЗДЫ И СОВЕТЫ» И «КАРАВАН ИСТОРИЙ»)

В этой главе рассматриваются языковые средства выражения субъективной модальности, которые, наряду с другими, способствуют созданию образа Даны Борисовой. Проводится сопоставительная характеристика средств выражения субъективно-модальных значений в текстах заявленных журналов, а также тех образов медиаличности, которые в них создаются. Всего проанализировано 7 текстов (6 и 1 соответственно).

Выбор Даны Борисовой в качестве медиаличности обусловлен сопоставлением результатов эксперимента с результатами анализа двух данных журналов на предмет списка имен личностей, о которых в них пишут. Следует заметить, что из всех имен (более 100) нашего списка, полученного в результате опроса, только о Дане Борисовой есть статьи в обоих журналах.

Кроме этого, глава содержит методические рекомендации к использованию результатов исследования в школе.

3.1. Языковые средства выражения субъективной модальности в медiateкстах журнала «Звезды и советы»

Из 7 медиатекстов методом сплошной выборки отобраны 22 синтаксические конструкции. В них выделены лексические, лексико-грамматические, грамматические средства, а также конвергенция средств.

3.1.1. Оценочная лексика как средство выражения субъективной модальности

Оценочная лексика представлена в составе семи синтаксических конструкций, простых и сложных предложений. Это составляет 31, 9% от общего количества единиц. Рассмотрим некоторые примеры.

- *У Даны не жизнь, а вечная драма!*

В данном случае слово *драма* имеет переносное значение ‘Тяжелое событие, несчастье, переживание, являющееся причиной глубокого нравственного страдания’ [Словарь русского языка, 1981, с. 443]. Стоит заметить, что оно находится в сочинительной связи со словом *жизнь*, выражая противительные отношения, которые маркируются противительным союзом *а* и отрицательной частицей *не*. Сочетание *не жизнь* само по себе оценочно и вполне могло бы передать определенную семантику. Наличие противопоставления, несомненно, усиливает оценочность высказывания. Прилагательное *вечный*, употребленное в значении ‘Проявляющийся или имеющий место всегда; постоянный, непрестанный’ [Словарь русского языка, 1981, с. 160], вносит субъективно-модальное значение непрерывности и тем самым усиливает значение драматичности.

- *Все браки и романы заканчиваются безобразнейшими скандалами.*

В данном предложении функционирует оценочное существительное *скандал* в форме множественного числа, которая подчеркивает значение не только множественности, но и постоянства, непрерывности. В качестве определения к нему используется прилагательное *безобразный*, имеющее отрицательную оценку на уровне понятийного компонента значения слова (*безобразный* ‘Возмутительный, отвратительный, ужасный’ [Словарь русского языка, 1981, с. 74]). Форма превосходной степени – *безобразнейшие* – акцентирует экспрессию высшей негативной оценки.

- – *Это страшная ложь! Не понимаю, за что меня травят! – чуть не рыдает несчастная Борисова (несчастный 4. Разг. ‘Жалкий, ничтожный’ ||* Употребляется как определение для выражения презрительного, пренебрежительного отношения к кому-, чему-л. [Словарь русского языка, 1982, с. 484]; *чуть не* ‘Почти что, едва ли не...’ [Словарь русского языка, 1984, с. 695]).

3.1.2. Лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности

Среди лексико-грамматических средств мы обнаружили две единицы, представляющие собой построения с частицами (9%).

- *Лишь одно Дану радовало – малышка Поля, ее девочка, ее кровинка.*

Частица *лишь* вносит в предложение субъективно-модальное значение исключительности (*лишь* 1. Частица. Употребляется для выделения, ограничения в значении: только, исключительно, единственно [Словарь русского языка, 1982, с. 193]).

- *А «негодяи врачи» наврали журналистам – мол, это она хотела умереть.*

Частица *мол* указывает на источник сообщения. Частица, если учитывать семантику, связана со словами *молвить, молва*. Стилистическая закрепленность – разговорная речь.

Нами выявлен один случай употребления слова с суффиксом субъективной оценки (4,5%).

- *Личико грамотно припудрено ради благородной бледности, в глазах – боль.*

Суффикс *-ик-* передает уменьшительно-ласкательное значение [Виноградов, 1972, с. 108; Русская грамматика, 1980, Т. 1, с. 208], которое в данном контексте переходит в отрицательное значение. С помощью этого

суффикса автор текста хочет изобразить Дану Борисову не милой, а, скорее, жалкой, бедной.

3.1.3. Конвергенция средств выражения субъективной модальности

Случаев, когда в пределах одной синтаксической единицы концентрируется несколько различных маркеров субъективной модальности, в нашем материале встретилось более всего. Это двенадцать единиц (54,5%). Выделяются конструкции, в которых основным средством является *оценочная лексика* (в сочетании с частицами – 3 единицы, с закавыченным словом – 2, с закавыченным словом и многоточием – 1); *междометие* (в сочетании с оценочной лексикой – 1 единица); *парцеллированная конструкция* (содержащая оценочную лексику – 1 единица); *риторический блок* (содержащий частицу (1 единица); *фразеологизированное предложение* (риторический вопрос), сочетающийся с присоединительной конструкцией и оценочной лексикой (1 единица); *многоточие* (в комплексе со словом с суффиксом субъективной оценки – 1 единица).

Трудно определить основное средство в предложении *Вот и вышло «шоу». Опять,* где сочетаются частица, закавыченное слово, присоединительная конструкция. Частица *вот и* указывает на то, что произошло ожидаемое, привычное. Парцеллы поддерживает данную семантику, вносит значение отрицательное, неодобрительное.

Рассмотрим самые яркие примеры.

Оценочная лексика + частица

- [Лишь одно радовало – малышка Поля, ее девочка, ее кровиночка.] Но и над этим счастьем сгустились черные тучи (сгустились тучи ‘Надвинулась опасность, беда, угрожает что-л.’ [Словарь русского языка, 1984, с. 430]). Компонент *сгустились* создает семантику интенсивности, *тучи* –

тяжести, беспросветности. Определение **черный** ‘Мрачный, безрадостный, тяжелый’ [Словарь русского языка, 1984, с. 668] служит, как нам кажется, в качестве усилителя значения интенсивности, напряженности, безрадостности, множественности трудностей. Частица **и** передает субъективно-модальное значение подчеркивания, акцентирования.

- *Но первые же вопросы про наркотики вывели Дану из себя:*
– *Это цирк! Я в нем участвовать не буду! Не хочу это перетирать!*

Фразеологизм **вывести из себя** обладает значением ‘Лишить самообладания или душевного равновесия’ [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006, с. 121]. В предложении при слове **первые** употребляется частица **же**, которая вносит субъективно-модальную семантику эмоционально окрашенного подчеркивания. Таким образом, с помощью концентрации фразеологизма и частицы в пределах данной синтаксической единицы сообщается о неспособности к самообладанию, легкой возбудимости Даны Борисовой. Очевидно, что авторы статьи пишут об этом с неодобрением. К тому же журналисты помещают в слова Даны Борисовой жаргонное слово **перетирать**.

Междометие + оценочная лексика

- *Данины алкогольные похождения семь-восемь лет назад были **ох** какими бурными.*

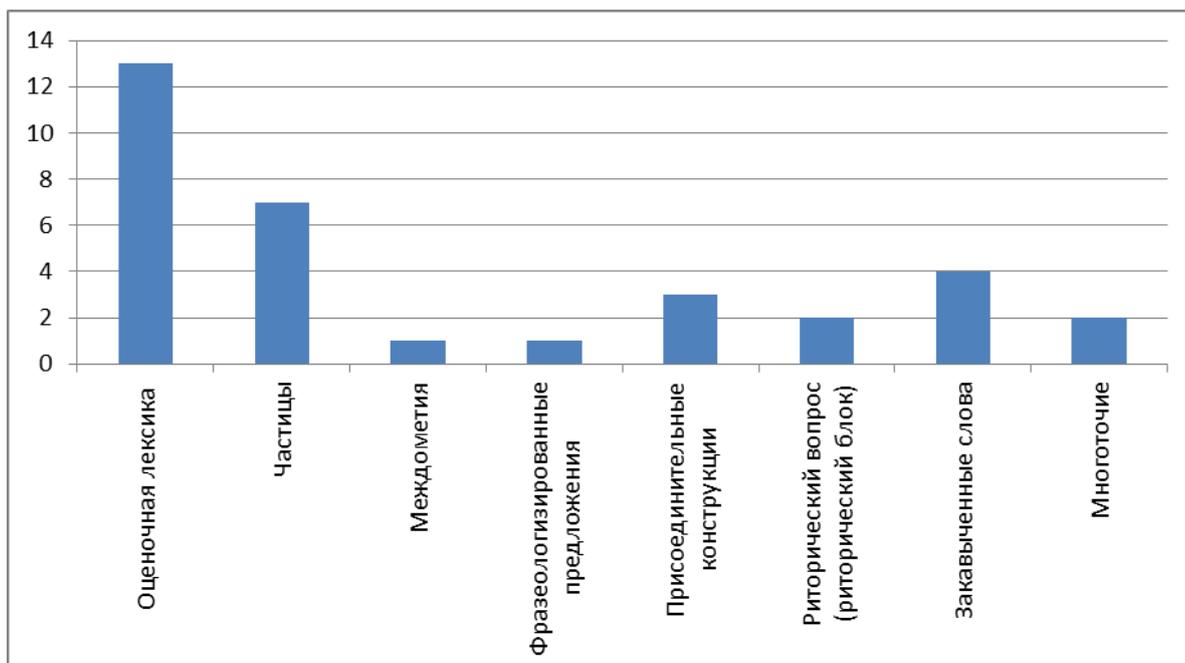
Междометие **ох** в сочетании с местоименным словом **какие** формирует субъективно-модальное значение интенсивности, усиливает семантику высокой степени проявления признака [Русская грамматика, 1980, Т. 2, с. 228], который определен оценочным прилагательным **бурный** (**бурный** ‘Проявляющийся с чрезмерной силой; буйный, неистовый’ [Словарь русского языка, 1981, с. 126]).

**Фразеологизированное предложение (риторический вопрос) +
оценочная лексика + присоединительная конструкция**

- ***Ведь чего уже только не было: алкоголизм, наркомания, скандальные разводы. Теперь и суицид.***

Здесь используется синкретичная единица, представляющая собой фразеологизированное предложение и риторический вопрос. Такое сочетание усиливает экспрессивность данной единицы. Кроме того, эта конструкция включает однородные члены предложения, градационно представленные оценочной лексикой, и, наконец, присоединительную конструкцию. Отрицательную оценку присоединительной конструкции поддерживает оценочная лексема *суицид*. Подчеркнем, что в предыдущей главе мы уже рассматривали лексические единицы, имеющие отрицательную коннотацию в коллективном языковом сознании. Лексемы *алкоголизм, наркомания, суицид*, словосочетание *скандальные разводы*, а также сочетание *алкогольные похождения* в языковом сознании русских людей также всегда вызывали резко отрицательные ассоциации. Конвергенция всех этих средств транслирует богатый спектр субъективно-модальных значений: многообразие отрицательных поступков, которые превращаются, с точки зрения авторов текста журнала «Звезды и советы», в шоу; показывают недовольство поведением человека.

Представим сводную диаграмму, на которой показана частотность употребления средств выражения субъективной модальности, использованных в конвергентных единицах.

Рис. 2. Конвергенция средств выражения субъективной модальности (Дана Борисова, «Звезды и советы»)

В единицах с конвергенцией средств мы обнаружили восемь видов маркеров субъективной модальности. Самым частотным средством стала оценочная лексика (13 словоупотреблений), передающая отрицательную оценку поведения Даны Борисовой.

3.2. Языковые средства выражения субъективной модальности в медиатексте журнала «Караван историй»

Всего в медиатексте «Каравана историй» проанализировано сорок четыре единицы.

3.2.1. Оценочная лексика как средство выражения субъективной модальности

Оценочная лексика, по результатам нашего анализа, является здесь преобладающим маркером субъективной модальности. От общего количества единиц она выявлена в девятнадцати случаях (43,2%).

Лексика медиатекста журнала «Караван историй» отличается большим количеством слов с семантикой меры и степени. Они вносят в предложение субъективно-модальное значение высокой степени полноты проявления признака, действия или состояния.

- *В последние месяцы она пребывала в **крайне** угнетенном состоянии (**крайне** ‘Очень, чрезвычайно’ [Словарь русского языка, 1982, с. 119]).*

- *Она плакала, было видно, что ей **очень** больно: «Улетели с Полинкой на море, вернулись, а Андрея в квартире уже нет – съехал!» (**очень** ‘Весьма, чрезвычайно, в сильной степени’ [Словарь русского языка, 1982, с. 732]).*

Среди всех лексико-грамматических разрядов прилагательных качественные обладают наиболее высоким потенциалом для выражения субъективно-модальных значений. Слова с семантикой меры и степени могут стоять при качественных оценочных прилагательных, содержащих семы ‘простодушный’, ‘доверчивый’, ‘слабый’, ‘ранимый’, ‘ребенок’ и пр.

- *А Дана **очень наивна**, нервничает из-за любой ерунды (**наивный** ‘Не имеющий жизненного опыта, простодушно-доверчивый’ [Словарь русского языка, 1982, с. 355]).*

- *Уже тогда, слушая ее рассказы, я поняла, что она **необычайно ранима** (**необычайно**. Нареч. к **необычайный** ‘Очень большой по силе, степени проявления; чрезвычайный’ [Словарь русского языка, 1982, с. 458]; **ранимый** ‘Такой, которому легко причинить душевную боль, страдание’ [Словарь русского языка, 1983, с. 640]).*

- *[Мне интересно, кому принадлежала идея отправить Полю к родному отцу?] Не внушила ли Екатерина Ивановна дочери, что та **слишком нервная и издерганная**, чтобы оставаться хорошей матерью? (**издерганный** 2. ‘Приведенный в болезненно-раздражительное состояние’ [Словарь русского языка, 1981, с. 642]; **нервный** 3. ‘Обладающий повышенной чувствительностью, легко возбудимый, болезненно-раздражительный’ [Словарь русского языка,*

1982, с. 476]; *слишком*, нареч. 1. 'Сверх меры, чересчур' [Словарь русского языка, 1984, с. 138]).

В этих конструкциях субъективно-модальное значение высокой степени полноты проявления признака соединяется с соответствующими оценочными значениями, выражаемыми прилагательными.

Нередко встречаются слова, в понятийном компоненте лексического значения которых содержатся семы 'интенсивность', 'непрерывность'. Соответственно, они являются носителями субъективно-модального значения интенсивности, непрерывности.

- *Без конца названивала с одними и теми же вопросами:*

- *Как думаешь, я смогу стать Андрею хорошей женой? Вдруг он меня бросит? (без конца 'Неограниченно долго или много' [Словарь русского языка, 1982, с. 88]; названивать. Разг. 'Очень настойчиво, непрерывно звонить' [Словарь русского языка, 1982, с. 353]).*

- *Расставшись с ребенком, Дана практически не выходила из дома, пачками глотала антидепрессанты (глотать. Разг. 'Пить или есть быстро, жадно, большими глотками' [Словарь русского языка, 1981, с. 315]; пачка. 4. в знач. нареч. пачками. Разг. 'Группами, партиями, следующими одна за другой' [Словарь русского языка, 1984, с. 35]).*

3.2.2. Лексико-грамматические и грамматические средства выражения субъективной модальности

Построения с частицами (3 единицы – 6,8%) в данной контекстной ситуации поддерживают значение одиночества, незащитности Даны Борисовой.

- *Дану просто некому защитить!*
- *У нее даже подруг почти нет.*

Среди грамматических средств наблюдаются построения с вводными словами (6 единиц – 13,6%).

- *А брать на содержание взрослого мужчину Борисова, естественно, не собиралась.*
- *Конечно, Дану задевало, что он так и не сделал предложения.*
- *Но, к сожалению, проект не состоялся.*

Вводные слова выражают здесь субъективно-модальные значения уверенности, сожаления.

3.2.3. Конвергенция средств выражения субъективной модальности

По нашим наблюдениям, медиатекст «Каравана историй» содержит пятнадцать синтаксических конструкций (34,1%), в пределах которых сочетаются различные маркеры субъективной модальности.

I. По результатам анализа, *оценочная лексика* как ведущее средство сочетается с частицей (2 единицы), вводным словом (1 единица), закавыченными словами (1 единица), многоточием (1 единица), с частицей и наречием в функции частицы одновременно (1 единица).

Оценочная лексика + частица

- *А ведь Борисова – редкая красавица! (редкий 4.* ‘Исключительный, выдающийся по каким-л. качествам’ [Словарь русского языка, 1983, с. 696]; *красавица* 1. ‘Красивая женщина’ [Словарь русского языка, 1982, с. 120]). Частица *ведь* акцентирует содержание предложения. Сочетание *редкая красавица* в целом можно рассматривать как устойчивую единицу, обладающую оценочностью.

Оценочная лексика + многоточие

- *Тем временем неприятности в ее жизни нарастали как снежный ком...* (*как снежный ком* ‘Стремительно быстро и увеличиваясь в размерах’ [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006, с. 315]). Посредством фразеологизма *как снежный ком*, таким образом, выражается значение высокой степени проявления действия, интенсивности и в то же время его несвоевременности. Многоточие передает значение сожаления и предполагает негативные последствия сложившегося положения.

Оценочная лексика + наречие в функции частицы + частица

- *Как же студия ополчилась на бедную Дану!* (*бедный* 4. ‘Несчастный, вызывающий сожаление и сочувствие человек’ [Словарь русского языка, 1981, с. 68]; *ополчиться* 2. *перен.* ‘Выступить с нападками, обличениями, начать действовать враждебно по отношению к кому-л., чему-л.’ [Словарь русского языка, 1982, с. 626]). Наречие *как* в функции частицы в сочетании с частицей *же* выражает субъективно-модальное значение высокой степени проявления действия, негодования и эмоционально окрашенного акцентирования.

II. В качестве основного средства может выступать *присоединительная конструкция*, сочетающаяся с оценочной лексикой (2 единицы).

- *Если «пакетиков с белым порошком», о которых говорит Екатерина Ивановна, я у Даны не видела, то успокоительные – да, причем в промышленном количестве.* Присоединительная конструкция подчеркивает, акцентирует, выделяет семантику большого количества.

III. Основным средством может быть *парцеллированная конструкция*. Парцеллят содержит оценочную лексику. Функцию союза выполняет частица *ведь*.

- *От души порадовалась за нее. Ведь она действительно талантлива, настоящий профи (талантливый* 1. ‘Обладающий талантом, творчески одаренный’ [Словарь русского языка, 1984, с. 336]; *профи* ‘Профессионал’ [Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона, 1999, с. 168]). В словаре отмечается, что слово *профи* употребляется в речи журналистов шутливо-иронически, однако в данном контексте, на наш взгляд, иронический оттенок стирается. С помощью парцелированной конструкции автор стремится выделить талантливость Даны Борисовой.

IV. Ведущее средство – *построение, опирающееся на структуру вопроса и ответа.*

Построение, опирающееся на структуру вопроса и ответа + оценочная лексика (1 единица)

- *Что меня всегда в ней удивляло, так это полное отсутствие пафоса и убежденности в своей неотразимости (неотразимый* 2. ‘Оказывающий сильное воздействие, влекущий к себе, покоряющий чем-л.’ [Словарь русского языка, 1982, с. 462]). Прилагательное *полный* (*полный* 4. ‘Проявляющийся вполне, не частично, абсолютный’) [Словарь русского языка, 1983, с. 265] реализует субъективно-модальное значение высокой степени проявления признака.

Есть несколько конструкций, в которых, на наш взгляд, трудно выделить ведущий маркер субъективной модальности. Приведем примеры.

Вводное слово + многоточие (1 единица)

- *Возможно, окажется Дана более напористой, ее профессиональная и личная жизнь сложились бы счастливее...*

С помощью вводного слова автор выражает неуверенность по поводу высказываемой мысли; а многоточие в данном случае, с одной стороны,

поддерживает семантику неуверенности, предположения, раздумья, с другой стороны, передает сожаление по поводу внутренней слабости, отсутствия характера Даны Борисовой и в то же время сочувствие, переживание по поводу неустроенности ее жизни.

Вводное слово + наречие в значении частицы (1 единица)

- *А Борисова, к сожалению, совсем не разбирается в людях.*

Вводное слово имеет значение сожаления. Наречие в значении частицы *совсем*, усиливая семантику отрицания, реализует субъективно-модальное значение низкой степени проявления, точнее – непроявления действия.

Частица + оценочная лексика + многоточие (1 единица)

- *Вот и попала в водоворот...*

Попала в водоворот – оценочная метафора (ср. *водоворот* 2. перен. ‘Стремительное, увлекающее за собой движение’ [Словарь русского языка, 1981, с. 193]).

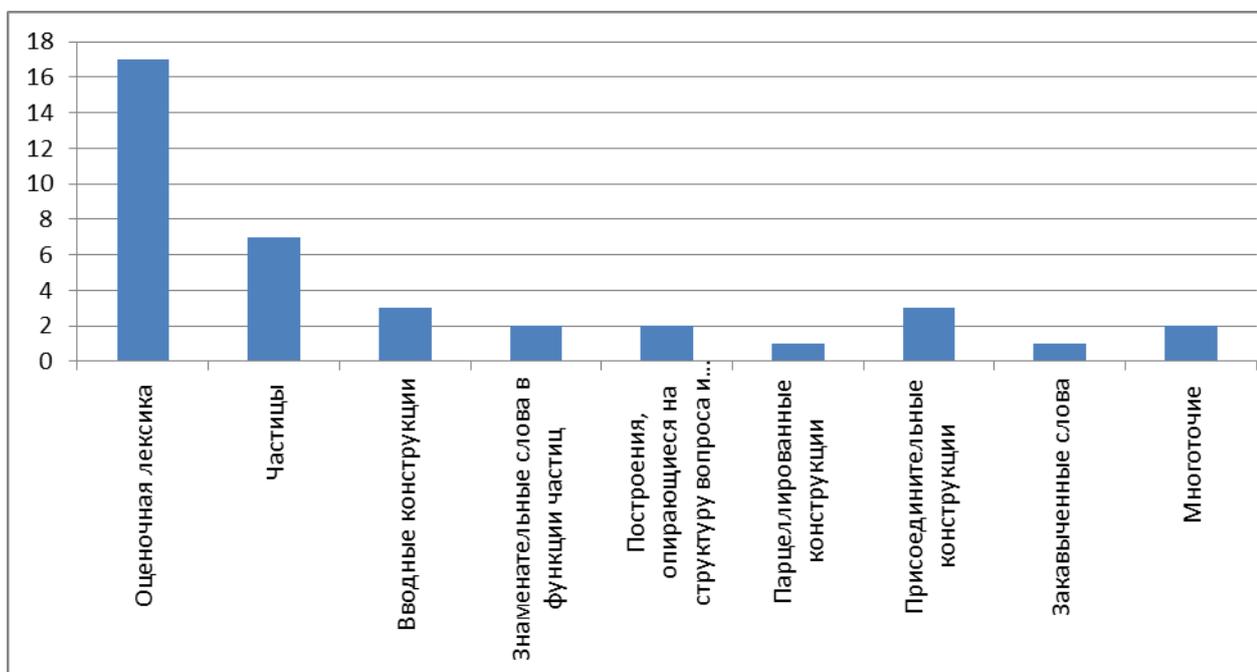
Частица *вот и* выражает субъективно-модальное значение соответствия ожидаемому, а многоточие – огорчение, сожаление.

Построение, опирающееся на структуру вопроса и ответа + присоединительная конструкция + частица + согласуемое слово в функции частицы (1 единица)

- *Перепады настроения – да, случались, и еще какие!*

Интересно, что даже присоединительная конструкция, в сочетании с оценочной лексикой или знаменательным словом в функции частицы, неоднократно служит реализации субъективно-модальной семантики высокой степени проявления признака. Построение, опирающееся на структуру вопросно-ответного комплекса, эмоционально выделяет данное значение.

Представим сводную диаграмму, на которой показана частотность употребления средств выражения субъективной модальности, использованных в конвергентных единицах.

Рис. 3. Конвергенция средств выражения субъективной модальности (Дана Борисова, «Караван историй»)

В конвергентных единицах текста журнала «Караван историй» основным средством также является оценочная лексика (17 словоупотреблений). Преобладает лексика, передающая положительные качества Даны Борисовой (*редкая красавица, неотразимость* и пр.), а также слова с семантикой меры и степени.

3.3. Сопоставительная характеристика образа Даны Борисовой в журналах «Звезды и советы» и «Караван историй»

В основе данной главы, как уже было сказано, лежит сопоставление языковых средств выражения субъективной модальности и создаваемого ими образа Даны Борисовой в двух контрастных по степени качества журналах.

В ходе работы было выявлено, что более насыщенным различными средствами субъективной модальности оказался медиатекст «Каравана историй» (44 единицы). В два раза меньше единиц представлено в статьях второго журнала. Однако субъективно-модальные значения, реализуемые различными маркерами, выявленными в медиатекстах журнала «Звезды и советы» отличаются резко отрицательным характером, жесткостью и категоричностью оценок. В этом журнале создается образ Даны Борисовой как человека, обладающего исключительно плохими качествами. Ее образ жизни и поведение как будто не соответствует образу жизни и поведению нормального, обычного человека (ср. *безобразнейшие скандалы, алкогольные похождения, наркомания, суицид* и пр.). В журнале «Караван историй» средствами субъективной модальности, напротив, создается образ чрезвычайно ранимой, простодушной, но искренней, талантливой, красивой женщины (ср., например, *Что меня в ней удивляло, так это полное отсутствие пафоса и убежденности в своей неотразимости (неотразимый 2. 'Оказывающий сильное воздействие, влекущий к себе, покоряющий чем-л.'* [Словарь русского языка, 1982, с. 462]).

Как в «Караване историй», так и в «Звездах и советах» делается акцент на беззащитности Даны, на отсутствии рядом с ней людей, способных ее поддержать. Но это значение одиночества достигается разными средствами. В «Караване историй» это построения с частицами (*Дану просто некому защитит!; У нее даже подруг почти нет*). В «Звездах и советах» это закавыченное слово в составе конвергентной единицы (*А «друзья» Борисовой поведали – да, в угаре она живет два года...*).

Есть еще одно сходство: в обоих журналах создается образ безрадостной, беспокойной жизни Даны Борисовой (*У Даны Борисовой – не жизнь, а вечная драма!* («Звезды и советы») и *На бедную Дану в последнее время слишком многое навалилось* («Караван историй»)).

3.4. Возможности применения результатов исследования в практике школьного преподавания русского языка

Наш материал может найти применение на уроке русского языка в 8 классе при изучении темы «Предложения с вводными конструкциями» (по учебнику «Русский язык» под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта). Так, например, на уроке мы предлагаем упражнение, где в предложениях необходимо расставить недостающие запяты, найти вводные слова и определить их значение (степень достоверности сообщения, различные чувства, источник сообщения и др.).

- 1) Возможно окажется Дана более напористой, ее профессиональная и личная жизнь сложились бы счастливее...
- 2) Кстати она вышла на работу, когда младенцу трех месяцев не исполнилось.
- 3) Но к сожалению проект не состоялся.
- 4) Конечно Дану задевало, что он так и не сделал предложения.
- 5) Она в свое время зарабатывала для Отчизны миллионы! А себе миллионов пенсии выходит не заработала.

На занятии учащимся дается понятие о вводных словах, сочетаниях слов и предложениях как средстве выражения субъективной оценки. Ср. определение вводных конструкций в учебнике: «Вводные конструкции – это вводные слова, сочетания слов, предложения, при помощи которых говорящий

(пишущий) выражает свое отношение к тому, что он сообщает» [Русский язык. 8 кл., 2011, с. 158].

Для отработки данного понятия в качестве домашней работы предлагается выполнить следующие задания (на выбор):

- Найдите журнальные статьи об известном певце, актере, спортсмене, телеведущем и т.д. Выделите в этих статьях все предложения с вводными конструкциями; определите значение каждого вводного слова, сочетания слов и предложения; сделайте вывод о том, какое общее отношение автора статьи выражается к личности, ее поведению и пр. с помощью данных вводных конструкций. Ответ представьте в письменном виде.

- Подготовьте связный письменный рассказ об известном певце, актере, спортсмене, телеведущем и т.д., используя вводные слова, сочетания слов и предложения с учетом их значения. Помните, что выбор той или иной вводной конструкции зависит от того, какое отношение вы хотите выразить к сообщаемому.

Материалы нашего исследования, кроме того, могут быть использованы при изучении темы «Публицистический стиль» в 10 классе [Русский язык. 10 кл., 2012]. Например, в указанном учебнике предлагается интересное задание в качестве итоговой работы по изучению публицистического стиля, суть которого заключается в анализе газетных и журнальных статей, в результате необходимо сделать вывод об особенностях газетного публицистического стиля.

Выводы по главе

Сопоставительный анализ текстов двух журналов позволяет нам сделать вывод о том, что цели в создании образа Даны Борисовой у них совершенно различаются. Авторы текстов журнала «Звезды и советы» стремятся

представить Дану Борисову в неприглядном виде, что достигается в том числе средствами субъективной модальности. Единицы разных уровней указывают на то, что все действия и состояния Даны Борисовой проявляются в высшей степени. В частности, журналисты показывают читателям, что ее алкоголизм, наркомания и проч. выходят за рамки допустимого. Всё это авторы статей выставляют напоказ (Ср. *Данины алкогольные похождения семь-восемь лет назад были **ох какими бурными**; Она с подругами могла «разогреться» на людях **так**, что со стульев падала*).

Журнал «Караван историй» также отмечает высокую степень проявления всех действий, состояний, эмоций Даны Борисовой: *Она **держалась буквально из последних сил**; Перепады настроения – да, случались, и еще какие!* Однако автор текста стремится показать ее положительные качества: талантливость, высокий профессионализм, искренность, доброту и сожалеет о том, что ее некому защитить.

Если в тексте «Каравана историй» основное субъективно-модальное значение – высокая степень проявления действия, состояния, признака, то в текстах журнала «Звезды и советы» – это отрицательное, ироническое презрительное значение.

Материалы работы могут найти разностороннее применение в обучении русскому языку в школе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе были проанализированы медиатексты об Алле Пугачевой из журнала «Звезды и советы» и медиатексты о Дане Борисовой в двух журналах: «Звезды и советы» и «Караван историй», различные между собой по степени качества. Цель исследования состояла в анализе субъективно-модальных значений единиц разных уровней языка, с помощью которых создается образ медийной личности.

Изучив научную литературу по проблеме категории модальности, мы пришли к такому пониманию субъективной модальности, при котором субъективно-модальными оказываются различные эмоционально-оценочные значения: положительная или отрицательная оценка, ирония, насмешка, презрение, высокая степень проявления признака, действия или состояния, радость, сожаление, уверенность или неуверенность и др.

Взяв за основу концепции В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, Г. Я. Солганика, Е. Н. Ореховой, Ю. В. Богоявленской, мы определили следующие средства реализации субъективной модальности: лексическое (оценочная лексика), лексико-грамматические, грамматические, графическое (закавыченные слова) и пунктуационное (многоточие). Мы выделили также конвергенцию средств в пределах одной синтаксической конструкции.

Результаты исследования таковы:

1. Средствами выражения субъективной модальности в проанализированных журналах являются оценочная лексика; частицы; слова с суффиксами субъективной оценки; вводные слова, сочетания слов и предложения; закавыченные слова; построения, опирающиеся на структуру вопроса и ответа; риторический вопрос; многоточие (средства указаны от наиболее частотного к наименее употребительному). Только наряду с другими средствами встретились такие средства, как присоединительные, парцелированные конструкции; знаменательные слова в функции частиц;

фразеологизированные предложения; риторический блок; соединения словоформ.

2. Средства выражения субъективной модальности передают следующие значения: восхищение, одобрение, положительная оценка и в то же время ирония в медиатекстах об Алле Пугачевой; неодобрение, ирония, отрицательная оценка в медиатекстах о Дане Борисовой в журнале «Звезды и советы»; высокая степень проявления признаков, действий, состояний и положительная оценка в медиатексте «Каравана историй». Отметим, что в журнале «Звезды и советы» количество текстов об Алле Пугачевой в два раза превышает количество текстов о Дане Борисовой (12 и 6 соответственно), что подтверждает значительность, весомость личности Аллы Пугачевой. Неслучайно ее имя фиксируется как *АБ*. Средства субъективной модальности в текстах о данных медийных личностях также имеют существенные различия. Богатством и сложностью различных субъективно-модальных значений отличаются тексты об Алле Пугачевой.

Важно указать, что субъективно-модальные значения проявляются только в контексте единицы, поддерживаются синтагматическими связями слов, поэтому неслучайно в медиатекстах велика доля конвергентных единиц.

3. Ведущим средством субъективной модальности выступают оценочные слова, ограниченные в употреблении, сопровождающиеся пометами *разговорное, просторечное, жаргонное: (тусовка (жаргон.), круто (жаргон.), жрать (прост.), подколоть (разг.), драный (разг.)*. Это наиболее отчетливо проявляется в текстах об Алле Пугачевой. Слова с суффиксами субъективной оценки поддерживают общую картину (*ножки, плечико, носочки, шортики, платица*).

4. Использование средств модальности характеризует Аллу Пугачеву как сильную, выдающуюся женщину, стремящуюся выглядеть молодо, ведущую светский образ жизни. Подчеркнем, что образ медийной личности формируется

совокупностью единиц, средства выражения субъективной модальности являются лишь их частью.

5. Образ Даны Борисовой неоднозначен. Анализ средств субъективной модальности показал, что оба журнала создают образ слабой, незащищенной, одинокой женщины. Однако журнал «Звезды и советы» дает резко отрицательную оценку поступкам Даны Борисовой, основное субъективно-модальное значение – ироническое, презрительное. Журнал «Караван историй» стремится ее защитить, основное субъективно-модальное значение – высокая степень проявления признаков, состояний и действий.

6. Мы подтвердили выдвинутую нами гипотезу о преобладании разговорных, просторечных, жаргонных элементов в текстах журнала некачественных СМИ. Изобилие маркеров отрицательной оценки, категоричность и субъективность суждений в текстах журнала «Звезды и советы» свидетельствует о размывании публицистического стиля, преобладании в нем признаков разговорного стиля. Отметим, что это становится допустимым именно в журналах низкого качества («Звезды и советы»), авторы которых не несут прямой ответственности за свои высказывания: тексты журналов написаны коллективом авторов или одним автором, чье имя нигде не указывается.

Перспективы исследования видятся в изучении субъективной модальности на материале других видов СМИ (например, телевизионных, сетевых и пр.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Звезды и советы. – №№ 5, 7, 9, 12, 16, 18, 19, 25, 29, 32, 37, 39, 41, 44, 52. – 2017.
2. Караван историй. – № 7. – 2017.

Научная литература

1. Антонова, Л. Г. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, 2011. Т. 1. – № 2. – С. 275-278.
2. Бакеева, Д. А. Феномен медийной личности как субъект медиакультуры (на примере образов телеведущих) / Новый этап развития науки. Сб. статей по материалам международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 160 – 163.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955, - 416 с.
4. Беличова-Кржишкова, Е. О модальности предложения в русском языке / Актуальные проблемы русского синтаксиса (Публикации лаборатории «Русский язык и русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ) / Под ред. К. В. Горшковой и Е. В. Клобукова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 49 – 73.
5. Богоявленская, Ю. В. Парцеллированные конструкции как синтаксический экспликатор субъективно-модальных значений (на материале газетных текстов) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2015. – №2. – С. 130-136.
6. Бондаренко, В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. – 1979. - № 2. С. 54 – 61.

7. *Бронникова, Ю. О.* Словообразовательные средства выражения оценки в русском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М.: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», 2014. – № 12-1. – С. 276-279.

8. *Валгина, Н. С.* Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.

9. *Ваулина, С. С., Кукса, И. Ю.* Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения / Модальность как семантическая универсалия: сб. науч. тр. / Под ред. И. Ю. Куксы. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 25-33.

10. *Ваулина, С. С.* Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений / Модальность как семантическая универсалия: сб. науч. тр. / Под ред. И. Ю. Куксы. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 42-50.

11. *Виноградов, В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Издательство «Высшая школа», 1972. – 614 с.

12. *Виноградов, В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. С. 53-87.

13. *Виноградова, В. Н.* Словообразовательные способы выражения субъективной оценки // Русский язык за рубежом. – 1987. – № 1. – С. 34-38.

14. *Воронина, Л. П.* Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке // Вестник Томского государственного университета. – Томск: Изд-во Национального исследовательского Томского государственного университета, 2012. – № 359. – 15-17.

15. *Добросклонская, Т. Г.* Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2015. - № 1(6). С. 45 – 47.

16. *Жилавская, И. В.* О чем молчит медиаличность? // Развитие русскоязычного пространства: коммуникативные и этические проблемы. – М., 2013. – С. 434-441.
17. *Зализняк, А. А.* Семантика кавычек / Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm. (Дата обращения: 22.05.2018).
18. *Засурский, Я. Н.* Колонка редактора: Медiateкст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2005. - № 2. – С. 3-7.
19. *Золотова, Г. А.* О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. – 1962. – № 4. С. 65-79.
20. *Золотова, Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. - Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2005. – 351 с.
21. *Казак, М. Ю.* Современные медiateксты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика. – СПб.: Изд-во Инст-та «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 2014. – № 1(4). – С. 65-76.
22. *Каминская, Т. Л.* Медийная личность ученого в фейсбуке и идентичность/ Российская пиарология-3: трейды и драйверы: Сб. научн. трудов в честь профессора В. Н. Степанова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017. – С. 50-53.
23. *Колшанский, Г. В.* К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 95-98.

24. *Копнина, Г. А.* Парцелляция / Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 279-282.
25. *Краснова, Т. И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
26. *Ляпон, М. В.* Модальность / Русский язык. Энциклопедия. – М.: Дрофа. – 1997. – С. 239 – 240.
27. *Мельник, Г. С.* Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 27 – 29.
28. *Орехова, Е. Н.* Риторический блок в газетном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2015. – № 6. – С. 43-49.
29. *Панфилов, В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37 – 48.
30. *Пучкова, Е. В.* Кавычки как средство выражения коннотации в научном тексте // Ученые заметки ТОГУ. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2011. Т. 2. – № 2. – С. 80-85.
31. *Резанова, З. И.* Деривационные модели формирования русской ценностной картины мира / Именная деминутивная деривация в моделях выражения оценки / под ред. И. З. Резановой. – Томск: Изд-во Томского университета, 2015. – с. 196-234.
32. Русская грамматика: в 2 т. Т.1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
33. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 710 с.

34. *Распопов, И. П.* К вопросу о модальности предложения / Ученые записки Благовещенского государственного педагогического института имени М. И. Калинина. – Благовещенск: Изд-во БГПИ, 1957. Т. 8. – С. 177-197.
35. *Селютин, А. А.* Медиаличность: к вопросу о постановке понятия / Сб. Медиалингвистика. Материалы II Международной научно-практической конференции / Отв. редактор А.А. Малышев. 2017. С. 46- 48.
36. *Сиротинина, О. Б.* Разговорный стиль / Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 319-321.
37. *Солганик, Г. Я.* О субъективно-модальном значении синтаксических конструкций (на материале предложений, строящихся по схеме N1 Vf)/ Stylistyka VI. Opole, 1997.
38. *Трошева, Т. Б.* Диалог / Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 44-45.
39. *Фёдоров, А. В.* Медиатекст / Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. – Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института им. А. П. Чехова, 2010. – 64 с.
40. *Шварцкопф, Б. С.* «Я поставил кавычки потому, что...» / Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. – М., 1997. С. 374-381.
41. *Шведова, Н. Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960. – 378 с.
42. *Шестакова, Э. Г.* Медиатекст и медиалингвистика: бифуркация отношений (постановка проблемы) / Медиалингвистика. IV Международный научно-практический семинар / Под ред. Л. Р. Дускаевой. 2015. – С. 50-55.
43. *Шмелева, Т. В.* Смысловая организация предложения и проблема модальности / Актуальные проблемы русского синтаксиса (Публикации лаборатории «Русский язык и русская литература в современном мире»

филологического факультета МГУ) / Под ред. К. В. Горшковой и Е. В. Клобукова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 78-100.

Учебная литература

1. *Бельчиков, Ю. А.* Практическая стилистика современного русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 432 с.

2. *Валгина, Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие / Н. С. Валгина – М.: Высшая школа, 2004. – 259 с.

3. *Голуб, И. Б.* Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

4. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. – 464 с.

5. Русский язык. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – М.: Дрофа, 2011. – 285 с.

6. Русский язык. 10-й класс. Учебник для общеобразовательного и профильного гуманитарного уровней. – М.: Баласс, 2012. – 320 с.

7. Современный русский язык: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.

Справочная литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.

2. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / Под общим руководством Р. И. Розиной. - М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.

3. Словарь русского языка: в 4-х. Т. 1 А-Й / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981. – 698 с.

4. Словарь русского языка: в 4-х. Т. 2 К-О / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с.

5. Словарь русского языка: в 4-х. Т. 3 П-Р / АН СССР, Ин-т рус. яз.;
Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983. – 752 с.
6. Словарь русского языка: в 4-х. Т. 4 С-Я / АН СССР, Ин-т рус. яз.;
Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1984. – 794 с.
7. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю.
Шведовой. – М.: Рус.яз., 1987. – 750 с.